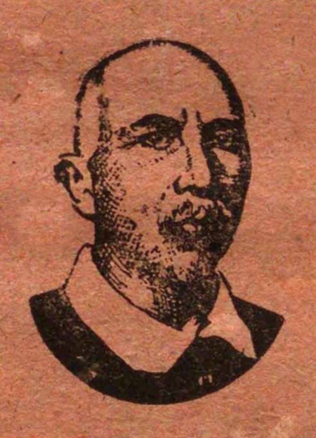
И. КУБИКОВ

КОММЕНТАРИЙ
к повести
А. СЕРАФИМОВИЧА
ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК

19 — МИР — 33

КОММЕНТАРИИ К ПАМЯТНИКАМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. Л. БРОДСКОГО и Н. П. СИДОРОВА

ВЫПУСК III

И. Н. КУБИКОВ

КОММЕНТАРИЙ
К ПОВЕСТИ А. СЕРАФИМОВИЧА „ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК“

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИР“
МОСКВА 1933

Ответственный редактор А. Б. Дерман. Техн. редактор Л. А. Лурье. Сдана в набор 4/X—32 г. Подписана к печати 29/I—33 г. Мособлит—37600. Школа ФЗУ Мособлполиграфа. Заказ 159
Тираж 5100.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПОВЕСТИ

Повесть А. Серафимовича «Железный поток» появилась в четвертом сборнике «Недра» в 1924 г. По словам самого писателя, работа над «Железным потоком» продолжалась два с половиной года. В основу этого произведения, которое в одном из изданий автором названо эпопеей, положена история отступления в 1918 г. Красной Таманской армии от белогвардейских полчищ. Это отступление началось от Кубани по направлению к Новороссийску, затем Геленджику, Туапсе и далее — на соединение с силами войск Северного Кавказа. Главный организатор этого героического отступления, Епифан Ковтюх, и послужил прототипом при создании образа Кожуха в повести «Железный поток».

В своих объяснениях по поводу созданного им произведения А. Серафимович, между прочим, говорит: «Материала из гражданской войны у меня было очень много. Мне рассказывали товарищи, приезжавшие из Сибири, поразительные картины, часто более яркие и более трагические, чем те, которые описаны в «Железном потоке». Однако, продумав их, я все-таки не остановился на этом материале — и вот почему. Ведь по нынешним временам, ежели приступаешь к художественной вещи, то требуется дать полотно, которое дает обобщение, которое в отдельных картинах находит что-то общее, пронизывает все одной идеей, которая осмысливает все эти картины. И вот я остановился на одном эпизоде — на отступлении громадных

масс бедноты из Кубани, где поднялись против революции зажиточные слои. Крестьянская и казачья беднота и разбитые части советской армии шли на Кубань на юг, на соединение с главными советскими войсками». Не случайным является то обстоятельство, что А. Серафимович остановился именно на этом эпизоде гражданской войны. «На этом случае я еще остановился потому, что считаю: если хочешь писать о чем-нибудь, так должен это знать насквозь. А для меня та сторона очень знакома. Я сам южанин, донской казак с юга, очень часто бывал и подолгу живал на Кавказе, Кубани, на Черном море, так что для меня близко знакомо и то население, и та природа, вообще весь этот край[1]. И я еще раз поехал туда во время самой работы, чтобы восстановить в памяти обстановку края». («На литературном посту» 1928 г., кн. 4).

После выхода в свет «Железного потока» в альманахе «Недра», в том же 1924 году вышли два издания этого произведения (в изд. «Недра» и в изд. «Мосполиграф»). В 1925 г. «Железный поток» вошел в собрание сочинений писателя (т. X Гос. изд.). Этот же том X в 1926 г. вышел вторым изданием, в 1927 г.— третьим и в 1928 г.— четвертым.

В 1926 г., в изд. ВЦСПС, вышло сокращенное издание «Железного потока». При этом единственном сокращенном издании вместо 40 глав получилось 29. Сокращение произведено писателем главным образом за счет всех тех сцен и эпизодов, которые изображают столкновение Кожуха с матросами, попытку убить Кожуха, его переговоры с предводителем матросов — Смолокуровым; но в самом конце осталось покаяние матросов во время торжественного митинга.

В 1927 г. несколько отрывков из повести вышло в издании «Нижегородская коммуна» и в изд. «Долой неграмотность». В изд. «Московский рабочий» «Железный поток» вышел в 1929 г. роман-газетой и в 1929 г. и в 1930 г.— в отделе «Дешевой библиотеки» Гос. изд.

В 1930 г. «Железный поток» вышел отдельным изданием

---

[1] Эту близко знакомую ему жизнь юго-восточных окраин А. Серафимович изображает в лучших написанных им рассказах („Чибис“, „Месть“, „Снежные люди“, „Фетисов курень“, и друг.), и особенно в своем известном рамане „Город в степи“.

в XIII томе полного собрания сочинений А. Серафимовича с критико-биографическим очерком Г. Нерадова (пятым исправленным изданием Гос. изд.). Это издание снабжено комментариями Г. Нерадова и рядом собранных им материалов, среди которых наибольший интерес представляют высказывания самого А. Серафимовича, записанные Г. Нерадовым. Очень полезным вкладом в изучение творческой истории «Железного потока» являются те варианты и разночтения, которые установлены Г. Нерадовым при сопоставлении первоначального текста повести в 4-м сборнике «Недра» и в редактируемом им XIII томе полного собрания сочинений А. Серафимовича (см. полное собрание сочинений А. Серафимовича, «Железный поток», т. XIII Гос. изд. 1930 г., стр. 277—279). Отсылая интересующегося читателя к этим приведенным разночтениям, остановимся только на некоторых, как наиболее существенных. В главе V (сборник 4-й «Недра», стр. 30) А. Серафимович изображает сцену рукопашной схватки между солдатами и казаками. Эта сцена дана была в таких двух абзацах:

«А к вечеру вдруг кинулись беспорядочными толпами, мотая винтовками, как дубинами. И не «ура» гремело над ними, не имена любимых вождей, а густая неслыханная матерная ругань... ммать, мать, мать. Добежали до солдат, вдруг откинули винтовки и кинулись в кулаки с озверелыми говяжьими глазами.

И по странному побуждению психической заразы солдаты тоже откинули винтовки и остервенело кинулись с кулаками на казаков. Нечеловечески ругаясь, лупили друг друга в морду, в переносицу, в глаз, в кадык, в челюсть с выдыхом, с хрустом, с гаканьем и как смрадная мгла — метался все покрывая, в богов, в душу, невыразимый мат».

На одном из рабочих собраний по поводу «Железного потока», А. Серафимович признал известную верность замечаний одного рабочего читателя по поводу «неестественности» этой сцены. В действительности так и было: драка была ожесточенная и, отбросив винтовки, лупили друг друга кулаками. Но всю эту сцену А. Серафимович счел необходимым переработать, о чем он и сообщил на рабочем собрании: «В новом издании, чувствуя, что раньше было не совсем убедительно, я переработал эту сцену, стараясь, чтобы вышло более естественно. Не знаю только, как получи-

лось: улучшилось или нет. Дело в том, что казаки и отступающие в одной станице соседями были, мальчиками вместе росли. Естественно поэтому, что страшная злоба друг к другу могла вылиться в простую потасовку».

Стремясь к этому психологическому обоснованию рукопашной схватки, А. Серафимович в своей переработке этой сцены дает уже не двенадцать приведенных нами строк, а сорок пять. Здесь рукопашной схватке предшествует диалог между Хвомкой из казачьей цепи и Ванькой из солдатской цепи. Этот диалог перемежается такими авторскими отступлениями: «И давно ли мальчишками носились вместе верхами на хворостинках, ловили раков в сверкающей Кубани, без конца купались. Давно ли вместе спивали с девчатами родные украинские песни, вместе шли на службу, вместе, окруженные рвущимися в дыму осколками, смертельно боролись с турками». Само описание рукопашной схватки в новой редакции дано в более сжатой и вместе с этим яркой форме.

Из мелких поправок имеет значение несколько слов в конце главы 35-й, когда А. Серафимович изображает беженцев, всей своей массой идущих с криками на казаков. Первоначально было: «передние ряды бегущих с смертным потом на лице остановились» и т. д. В дальнейших изданиях А. Серафимович уточняет эти ряды беженцев словами: «бегущих женщин, детей, раненых, стариков».

Необходимо также отметить в новой редакции вставку целого абзаца в конце главы XII. Первоначально эта глава кончалась словами: «Возле котлов расселись по земле стали хлебать варево». Желая ярче выразить переживания голодных людей, А. Серафимович дает такой дополнительный абзац: «Торопливо носят ложками из ротного котла, жгутся, а каждый спешит, чтобы не отстать от других. Во рту все сварилось, тряпки на языке, и с нёба свесились, и горло обожжено, больно глотать, и спешат, торопливо ныряя в дымящийся котел. Да вдруг цап! с ложки — мясо поймал и в карман, после съест, и опять торопливо ныряет под завистливые искоса взгляды ныряющих ложками солдат».

Повесть «Железный поток» разбивается на ряд эпизодов, связанных с историко-хронологической последовательностью движения Красной Таманской армии. Рассказы-

вая о процессе работы над своим произведением, А. Серафимович вводит в лабораторию своего творчества: «Писал разбросанно, кусками. Не так, чтобы с начала начал и до конца,— по порядку. Помню, прежде всего написал хвост, последнюю сцену митинга. Меня мучил этот конец — митинг. В заключительной сцене для меня концентрировался весь смысл вещи. Она необыкновенно ярко у меня горела в мозгу. Потом написал начало. Затем все кусочками писал, то одну сцену напишешь, то другую, по мере того, как они складывались в голове. В голове-то держалась вся тема полностью, но почему-то не все сцены вставали с одинаковой яркостью, они не шли гуськом друг за дружкой. Куски потом постепенно склеивал и переклеивал, а когда склеил, то переписал всю повесть сплошь. Переписал, потом по частям стал перерабатывать: возьмешь один кусок, переработаешь и вставишь. Много все-таки пришлось поработать. Мне все казалось недостаточно четко, недостаточно выпукло». (А. Серафимович. Сочинения, т. XIII, изд. 1930 г., стр. 235).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

КОММЕНТАРИЙ К ПОВЕСТИ

Глава I

Уже в самом начале повествования, А. Серафимович дает характера. «Не то — табор переселенцев. Но откуда же тут характера. «Нето — табор переселенцев. Но откуда же тут орудия, зарядные ящики, двуколки, составленные винтовки? Не то — армия. Но почему же со всех сторон плачут дети, на винтовках сохнут пеленки, к орудиям подвешены люльки, молодайки кормят грудью, вместе с артиллерийскими лошадьми жуют сено коровы, и загорелые бабы, девки подвешивают котелки с пшеном и салом над пахуче-дымящимися кизяками».

Е. Ковтюх в своей книге, которой мы будем в этих комментариях часто пользоваться, говорит, при каких условиях создавалась эта своеобразная первоначальная картина нето армии, нето табора. «Жестокая расправа казаков над иногородними толкнула к войскам беженцев; сначала к нам собирались семьи красноармейцев, а потом и все рабочие. Беженцы ежедневно прибывали тысячами, сильно обременяя и еще более разваливая части. Пришлось задуматься о судьбе не только войсковых частей, но и беженцев, потому что поступали сведения, что противник, заняв станицу Тимашевскую, в первые два дня публично повесил тысячи мужчин, женщин и детей» (Е. Ковтюх «Железный поток» в военном изложении». Гос. воен. изд., 1931 г., стр. 43).

В следующей главе, рассказывая о начале похода, Е. Ковтюх не забывает прибавить, что «вместе с частями колонны двинулись и беженцы, которых набралось уже около 10 000. Беженцы были переправлены через реку Протоку и размещены частью в станице, а частью в казармах военного лагеря.

Каждый из них, убегая из своей станицы, брал с собой жену, детей и на два-три дня продовольствия, а все остальное оставлял на произвол судьбы, надеясь на скорое возвращение. Вскоре беженцы стали голодать, волноваться и бунтовать. Некоторые из них, особенно нуждавшиеся, рискнули возвратиться домой в занятые белыми станицы.

Казаки встречали их враждебно и многих сейчас же вешали. Большая часть беженцев решила не отставать от войск, несмотря на все невзгоды и лишения, которые царили среди них». (Е. Ковтюх, стр. 44).

Глава II

После небольшой вступительной первой главы А. Серафимович изображает настроение отрезанного красного войска. Это было в то время, когда «противник занял гор. Екатеринодар, отбросил части Сорокина, численностью около 150 000 человек, за Кубань. Когда главнокомандующий Сорокин ушел с войсками, не дав никаких распоряжений, и когда так же поступили высшие советские органы, и в довершение всего вместе с остальной частью полка ушел товарищ Рогачев, то об этом стало известно, среди отрезанных войск поднялся ропот. Они быстро теряли боевую устойчивость, которая и так была невелика, и стали разлагаться не по дням, а по часам». (Е. Ковтюх, стр. 42). Этот момент, в главе второй повести, и получил свое яркое художественное оформление.

«Казаки, узнав, что Екатеринодар взят белыми и что Сорокин с войсками ушел из Кубанской в Терскую область, восстали почти поголовно и начали во всех станицах разгонять, преследовать и публично вешать иногородних». (Е. Ковтюх, стр. 43). Краткое, лаконическое сообщение в книге Е. Ковтюха,— в повести А. Серафимовича приобретает характер развернутой картины бесчинств и злодеяний казачества. Причем рассказ об этом влагается в уста од-

ного из эпизодических персонажей повести.

— Славянская станица поднялась, и Полтавская, и Петровская, и Стиблиевская. И зараз поперед церкви на площади в каждой станице виселицу громадят, всих вишают подряд, тильки б до рук попался. В Стиблиевскую пришли кадеты, шашками рубают, вишают, стреляют, конями в Кубань загоняют. До иногородних нима жалости,— стариков, старух всих под одно. Воны кажуть, вси большевики» и т. д. Весь этот рассказ сочетается с картиной смерти зарубленного казаками Охрима и отчаяния несчастного отца.

Уже с этой второй главы А. Серафимович вводит украинский диалект при воспроизведении речей своих персонажей. В своих высказываниях по поводу «Железного потока», записанных Г. Нерадовым, А. Серафимович об этом говорит: «Не взирая на то, что в «Железном потоке» диалог дается большей частью на украинском жаргоне, очень мало рабочих жаловались, что это им непонятно. «Чего и не знаешь», говорили они, «так догадаешься». Зато квалифицированные читатели говорили, что украинская речь придает большую колоритность. Из этих соображений я и оставил» (А. Серафимович, т. XIII, изд. 1930 г., стр. 238). Но это не чисто украинский язык, о чем А. Серафимович говорит вполне определенно: «У нас на Дону половина населения — украинцы. Правда, говорят они не чистым украинским языком, как в Полтаве, а жаргоном. Этим же жаргоном говорит и Кубань» (т. XIII, стр. 234).

Художественное значение этой особенности языка персонажей повести отмечает один из толкователей творчества А. Серафимовича: «А. Серафимович вплел в речь своих героев много «украинизмов», во всей повести действующие лица говорят на украинском языке. Несомненно, что он этим достигает большого впечатления, поскольку употреблением украинизмов достигается большая жизненность в характеристике массы, состоящей в большинстве из украинцев. Этим же самым оправдывается и употребление местного говора больше, чем в каком-либо другом произведении современной литературы, когда некоторые писатели намеренно создают речь, насыщенную диалектизмами, порой без нужды. Герои А. Серафимовича в этом отношении говорят так, как они в действительности говорили и должны были говорить. Здесь А. Серафимович глубоко правдив, но

все же иногда создается у учащихся замедленность при чтении повести, затрудненность в усвоении и отсюда в передаче содержания ее. Может быть известная экономизация здесь была бы не лишней, но с другой стороны, тогда «Железный поток» по языку утратил бы свою колоритность, а по существу, принимая во внимание оправданность употребления украинизмов, эта сторона является крупным достоинством всего произведения». (Н. Саввин — «Железный поток» А. Серафимовича, «Родн. язык в школе», 1927 г., кн. 2, стр. 186).

Глава III

С этой главы, где изображается совещание командного состава, образ Кожуха, уже намеченный в первой главе, начинает вырисовываться, как образ организатора героического отступления. На этом совещании дальновидный Кожух возражает против того, чтобы оторвать от армии беженцев.— «Чего же вы захотели? — голосом ржавого железа заговорил Кожух.— У каждого солдата в обозе мать, отец, невеста, семейство — та разве ж он покинет их. Коли будемо сидеть тут, дождемся — вырежут до одного. Иттить надо, иттить и иттить. На ходу переформируемся. Надо скорее мимо города, не останавливаться, а иттить берегом моря. Дойдем до Туапсе, там по шоссе перевалим через главный хребет и соединимся с главными силами. Они далеко не ушли. А тут каждый день смерть обступает».

Тогда все разом заговорили, и у каждого был отличный для него, и никуда негодный для других проект.

Кожух поднялся, заиграл железными желваками и, тоненько покалывая крохотными глазками отлива серой стали, сказал:

— Завтра выступать.... с рассветом.

И подумал: «Не выполнят, сволочи».

Все нехотя замолчали, и за этим молчанием стояло: «Дураку закон не писан...»

Епифан Ковтюх, послуживший для А. Серафимовича прообразом при создании Кожуха, говорит о своем замысле отступления: «Эту огромную массу трудящихся, переносящих такие тяжкие невзгоды и всевозможные лишения, необходимо было во что бы то ни стало спасти от нечело-

веческой расправы со стороны белых. Спасти этих погибающих людей можно было только при условии — ни минуты не медля — взять в твердые руки разлагающиеся части, использовать их как вооруженную силу и быстро двинуться по линии наименьшего сопротивления в более безопасные места, где окончательно привести в полный порядок части, изгнать из их среды всякий негодный элемент и после этого начать планомерное движение на соединение с главными силами войск Северного Кавказа, а если последних постигла еще худшая участь, двигаться на соединение с войсками центра, причем, не оставляя беженцев, использовать их подводы в качестве обоза» (Е. Ковтюх «Железный поток» в военном изложении». Изд. ГВИЗ, 1931 г., стр. 43).

Глава IV

В данной главе, в числе беженцев выделяется образ бабы Горпины—станичной бедной старухи-мещанки с ее мелкими интересами и наивными представлениями о советской власти. «Ой, горя-несчастя выпьемо. Чуе мое сердце. Як выизжалы, перше кошка дорогу перебигла, така здорова та брюхата, а писля того — заяц як стрикане, боже ж ты мий милосердный. Що ж таке болшевики думают: же добро оставили. Як замуж меня за старика отдавалы, мама и каже: от тоби самовар, береги его, як свой глаз; будешь помирать, шоб детям твоим и внукам. Як Анну буду выдавать, ей отдам. А теперь все бросилы, худобу усю бросилы. Що болшевики думают? И що буде советская власть робиты? Та нехай ция власть подохне, як пропадэ мой самовар. На три дня, казалы, выизжайте, через три дня же на место стане, а от уж цилу неделю блукаем, як неприкаянные. Яка же вона советска власть, як не може ничего для нас робиты. Кобелю власть».

Образ бабы Горпины — это художественное обобщение писателя. А. Серафимович прекрасно изучил быт и нравы бедного мещанства этого округа. В своих высказываниях по поводу «Железного потока» А. Серафимович говорит: «На Кубани я живал. Черноморье еще до войны изборздил на мотоцикле, так что хорошо знал и природу и людей. Поэтому когда мне надо было дать характеристику, дать типичных представителей этого населения вроде бабы

Горпины и ее деда, мне это было не так трудно. Такие типы, как Горпино или зарубленный казак, скачущий на лошади умирать к своим — это типы собирательные, это художественный вымысел, «художественное наитие». По словам писателя — «стояла передо мной эта баба Горпино такой, какой она выросла».

Баба Горпино принадлежит к той части беднейшего населения станицы, которая работала на зажиточных и богатых казаков. «Ой, трудно! Жилы все повытягали за свою долгую жизнь — шестой десяток пошел. И старик и сыновья — хребтина трещала от работы. А на кого работали? На казаков та на ихних генералов, ахвицеров. У них вся земля, а иногородний, как собака». Историю этого социального неравенства взаимоотношений иногородних с казаками с общих чертах А. Серафимович передает дальше — в главе VI.

В этой же главе — бой с казаками у станицы Славянской. Некоторые подлинные подробности, связанные с этим боем, вошли в изображаемую А. Серафимовичем картину. Е. Ковтюх пишет: «Несмотря на некоторые потери, колонна в численном составе увеличилась; но патронов осталось не больше как по 6—8 штук на стрелка, а у некоторых, в особенности влившихся из обоза, и этого количества не было».

Вот почему писатель при изображении картины боя вкладывает в уста Кожуха слова:

— Берегти патроны, берегти як свой глаз, расходовать только в самом крайнем случае. Подпускать близко и в атаку. Не допускать до садов, до садов не допускать. Возьмите две роты из первого полка, отбейте ветряхи, поставьте пулеметы.

Е. Ковтюх передает: «От пленных казаков после боя удалось выяснить, что они наступали так настойчиво потому, что им перед наступлением было выдано на каждого по целой бутылке казенного вина, найденного в какой-то станице».

Учитывая это обстоятельство А. Серафимович облекает его в такую картину:

«Остервенело наваливаются казаки, близко, совсем близко мелькает их цепь; уже заняли окраины садов, мелькают из-за деревьев, из-за плетней, из-за кустов. Залегли шагов с

десяток между цепями. Стихло, берегут солдаты патроны: караулят друг друга. Крутят носами: чуют — несет из казачьей цепи густым сивушным перегаром. Завистливо тянут раздувшиеся ноздри:

— Нажрались собаки... Эх, кабы достать».

После боя у станицы Славянской, еще до посадки в поезд на Новороссийск, произошел бой под станицей Троицкой. Этот бой А. Серафимовичем опущен, ибо ему, как художнику, достаточно было в данном случае одной картины боя. Сам Ковтюх об этом бое пишет сжато и скромно. Но другой участник героического отступления, начальник штаба Таманской Красной армии — Батурин пишет: «Епифан Ковтюх, как лев, дрался под Троицкой одними штыками, не имея патронов, удерживаясь с трудом и в то же время способствуя нашим частям выйти с полуострова. Мне со своим отрядом пришлось сдерживать противника со стороны Петровской и в то же время наводить мост через Кубань у станицы Верениковской для переправы наших частей. Ковтюх все время шел с боем, отступая шаг за шагом от многочисленных банд противника» (Г. Батурин — «Красная Таманская армия. Краткий популярн. военно-историч. очерк 1918—20 г.» Изд. 1923 г.).

Глава VI

Здесь, в общих чертах, писатель говорит о заселении казаками донского края по указу Екатерины II после уничтожения Запорожской Сечи. «А теперь все зарятся на этот край, как чаша переполненный невиданными богатствами. Потянулись, гонимые нуждой, с Харьковской губернии, с Полтавской, с Екатеринославской, с Киевщины, потянулась голь и беднота со скарбом и детьми, расселились по станицам и щелкают, как голодные волки, зубами на чудесную землю.

На-кось! съешь фигу,— землю хотели!

И стали батраками переселенцы у казаков, дали им имя «иногородние». Всячески теснили их казаки, не пускали их детей в казацкие народные школы, драли с них две шкуры за каждую пядь земли под их хатами».

Главная движущая сила революции — пролетариат, в «Железном потоке» не представлен. Но влияние этой ос-

новной силы на развитие сознания «иногородних» писателей учтено в таких строках этой шестой главы: «А на Кубани уже налетели рабочие из городов, матросы с потопленных кораблей, и от них все вдруг стало ясно, отчетливо: помещики, буржуи, атаманы, царское разжигание ненависти между казаками и иногородними, между всеми народами Кавказа.

В книге Е. Ковтюха история взаимоотношений между так называемыми «иногородними» и казачеством дается во вступительной главе. «Иногородние» — это те, которые в разное время перекочевали с разных концов России в Кубанскую область, где поселились, занимая особое положение по сравнению с казаками, как пришлый элемент, лишенный земельных наделов и возможности какого бы то ни было участия в административном и хозяйственном управлении Кубанской областью. Они были все время презираемы, а зачастую даже гонимы казаками. Таких переселенцев к моменту революции в Кубанской области оказалось около 52%; большую часть их казаки эксплоатировали в своих хозяйствах за самое мизерное вознаграждение. До появления иногородних главным занятием казаков было скотоводство, хлебопашество было занятием второстепенным. «С приливом иногородних все стало изменяться. Лишенные возможности получить земельные наделы, благодаря особым привилегиям, которыми пользовались в области казаки, иногородние вынуждены были наниматься на работу к казакам. Они и послужили дешевой рабочей силой, которая дала толчок быстрому развитию сельского хозяйства на Кубани» (Е. Ковтюх, стр. 5-6). Это земельное неравенство влекло за собой во многих отношениях и юридическое бесправие иногородних. «Лозунги Октябрьской революции были быстро усвоены иногородними. В лице Советской власти они видели освободительницу от угнетенного положения, в котором они находились при царском самодержавии» (стр. 7).

По сообщению В. Ставского (очерки «Станица», изд. «Московский рабочий», 1929 г.) к началу революции 1917 г. «иногордних» было в этом крае уже 57%. В дополнение приведем интересную выдержку из книги этого очеркиста:

«Кубань быстро становится земледельческой областью, спрос на землю огромен. Иногородние — большинство из

них ,крестьяне — арендуют у казаков всю свободную, не засеянную ими землю. Казачество уже не продает землю, которую так выгодно сдавать в аренду, и в отношении безземельных иногородцев становится коллективным помещиком. Но количество казачьего населения растет, землю пришлось переделить, уменьшить казацкие паи. Неумение хорошо использовать свой пай, тяготы военной службы, связывающей казака на всю жизнь, процесс капитализации области — все это ухудшает экономическое положение массы казачества. Виновником всего этого казачество считает иногородних, хотя они жили в массе своей гораздо беднее казаков.

Вражда к иногородним все усиливалась. Арендную плату за землю казаки повышали при каждом перезаключении договоров. С них драли посаженную плату — за одну только усадьбу иногородние платили по 60 руб. в год.

Арендная плата была не только за землю — тут она была оплатой за право жить.

Иногородние были стеснены в пользовании школой. В Вальяновской и сейчас одна школа называется «иногородней» — она была построена на средства иногородних, казаки туда своих детей учиться не пускали.

Иногородним запрещено было пользоваться общественными магазинами». (В. Ставский. «Станица». Изд. 1929 г., стр. 117 — 119).

Таковы те экономические предпосылки гражданской войны на Кубани, о которых считает необходимым напомнить и А. Серафимович в «Железном потоке».

Глава VII

В начале этой главы картина «бесконечных обозов» со скарбом семей иногородних ярко оттеняет социальный смысл гражданской войны на Кубани.

В этой же главе раскрывается жизненный путь Кожуха. Писатель передает достаточно подробно историю прохождения Кожуха в офицеры времени империалистической войны. «Презрительно выпустили прапорщиком. Явился в роту, а на плечах поблескивает, добился. И радостно, и нерадостно.

Радостно: добился-таки, добился своей страшной тяжестью, нечеловеческим напором. И нерадостно: поблескивав-

шее на плечах отделило от своих, от близких, от хлеборобов, от солдат,— от солдат отделило, а к офицерам не приблизило: вокруг Кожуха замкнулся пустой круг.

Офицеры вслух не говорили: «мужик», «сволочь», «раскаряка», но на биваках, в столовой, в палатках, всюду, где сходились два-три человека в погонах, вокруг него — пустой круг. Они не говорили словами, но молча говорили глазами, лицом, каждым движением: сволочь, мужик, вонючая растопыра...

Он ненавидел их спокойно, каменно, глубоко-напряженно. Ненавидел. Презирал. И от этой ненависти и от своей отделенности от солдат закрывался холодным бесстрашием среди тысячи смертей».

В этой характеристике писатель дает социально-психологические, классовые предпосылки для будущего приятия Кожухом рабоче-крестьянской революции. Являясь представителем обездоленного «иногороднего» крестьянства, Кожух именно в обстановке революции и гражданской войны раскрывает свои способности полководца. В своей статье «К вопросу о роли личности в истории» Г. Плеханов говорит об исторической закономерности появления в эпохи революции военных вождей из демократической среды. Многие из полководцев эпохи первой французской революции, при начале ее были простыми ремесленниками или бедными интеллигентами. «В 1789 г. Даву, Дезэ, Мармон и Макдональд были подпоручиками, Бернадот — сержантом-майором; Гош, Марсо, Лефевр, Пишегрю, Ней, Массэна, Мюрат, Сульт — унтер-офицерами; Ожжо — учителем фехтования; Ланн — красильщиком; Гувион Сен-Сир — актером; Журдан — разносчиком; Беесьер — парикмахером; Брюн — наборщиком; Жубер и Жюно — студентами юридического факультета, Клебер — архитектором; Мортье не поступал на военную службу вплоть до революции» (Г. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 229).

Эта же историческая закономерность предстает перед читателем во второй главе «Железного потока».

«На кургане возле ветряков собрались полковники, батальонные, ротные, начальники штаба. Кто же эти полковники, батальонные, ротные? Есть дослужившиеся до офицера солдаты царской армии, есть парикмахеры, бондари, столяры, матросы, рыбаки из городов и станиц. Все это началь-

ники маленьких красных отрядов, которые они организовали на своей улице, в своем поселке. Есть и кадровые офицеры, примкнувшие к революции».

В конце седьмой главы писатель в нескольких необходимых строках и в замечательно образной форме вновь говорит о значении пришлых рабочих, способствовавших развитию революционного сознания «иногородних». «Как зернышки дрожжей, упали в ликующее население приехавшие с заводов рабочие, приваливШие с потопленных кораблей матросы, и Кубань революционно поднялась как опара. В станицах, хуторах, селах — советская власть». При этом здесь вскрывается влияние рабочей пропаганды на Кожуха: «Кожих хотя словами не умел сказать: классы, классовая борьба, классовые отношения,— но глубоко чуял это из уст рабочих, схватил ощущением, чувством. И то, что наполняло его каменной ненавистью — офицерье, теперь оказалось крохотным пустяком пред ощущением, пред этим чувством неизмеримой классовой борьбы, офицерье — только жалкие лакеи помещика и буржуя».

В книге И. Подшивалова «Десантная экспедиция Ковтюха» имеются такие строки о прообразе героя повести «Железный поток»: «Здоровый, коренастый, с большим здравым смыслом, решимостью и железной волей, Епифан Ковтюх был героем революционной Кубани. Кубанец станицы Полтавской, он получил первый боевой закал в мировой войне на Закавказском фронте, в отряде Баратова. Затем, всю революцию Ковтюх был под ружьем». В книге И. Подшивалова рассказывается о другом подвиге Е. Ковтюха — о действии красного десанта в тылу белых генерала Врангеля в 1920 г. Об этом пишет и Е. Ковтюх (стр. 97—110 его книги). Но, рассказывая об этом героическом предприятии Е. Ковтюха, И. Подшивалов напоминает и о героическом отступлении, послужившем материалом для «Железного потока». Давая общий облик воина-революционера, И. Подшивалов пишет о Ковтюхе: «Это он в 1918 г. вывел из окружения контр-революционного казачества революционные Таманские полки по многотрудному пути Новороссийск—Туапсе—Армавир к советским войскам Северного Кавказа и тем завоевал популярность среди кубанцев и северо-кавказцев». (И. Подшивалов «Десантная экспедиция Ковтюха». Гос. воен. изд. 1927 г., стр. 24).

В обрисовке внешнего вида Кожуха А. Серафимович стремится подчеркнуть его железное волевое упорство в достижении своей цели. Уже с главы второй Кожух предстает перед читателями как человек «с железными челюстями». Далее писатель говорит о «стянутых челюстях» Кожуха. При обращении к солдатам и беженцам «он разжал челюсти и сказал железно-мягким голосом, но в шуме и гуле было всюду слышно». Эти «железные челюсти» повторяются еще раз в этой же главе и в главе третьей, чередуясь со словами «сжатые челюсти». И в главе XXII, где колонна Кожуха преодолевает заграждения, выставленные грузинскими пулеметчиками, Кожух, так же «сжав челюсти», смотрит на солдат. Таким же представлен Кожух в главе XXIII, где он из-за скалы рассматривает в бинокль позиции врага. В этой обрисовке А. Серафимович пользуется одним из приемов Л. Толстого — выдвигать какую-нибудь особенность персонажа и на этой особенной внешней черте концентрировать внимание читателя.

Глава VIII

«На последней станции перед горами столпстворение вавилонское, шум, крики, плач, матерная отборная ругань, разрозненные воинские части, отдельные группы солдат, а за станцией выстрелы, крики смятенья. От времени до времени бухают орудия.

Тут и Кожух со своей колонной и своими беженцами. Подошел и Смолокуров со своей колонной и беженцами. Непрерывно подходят и другие отряды — тянулись отовсюду, теснимые и гонимые казаками. И на этом последнем клочке сбились десятки тысяч обреченных людей, кадеты и казаки никому не дадут пощады, ни старому, ни малому, все лягут под шашками, под пулеметами или повиснут на деревьях, либо, сваленные в глубоких оврагах, будут живьем засыпаны камнями и землей».

Далее в этой главе Кожух заявляет о своем твердом решении: «перевалить горы и по берегу моря усиленными маршами итти в обход на соединение с главными силами. Я сейчас выступаю».

Колонна Кожуха выступила и с ней вместе поток беженцев, несмотря на угрозу начальника другой колонны —Смо-

локурова. Имя Смолокурова впервые упоминается в этой главе. «Смолокуров» — это покойный матрос Матвеев, определенно говорит Д. Фурманов в своей статье о «Железном потоке».

«Последняя станция перед горами», о которой говорит А. Серафимович,— это Новороссийск. В своей книге Е. Ковтюх пишет: «Обстановка диктовала не вступать ни в какие переговоры, а действовать смело; в ночь на 26 августа, пользуясь темнотой, я погрузил свою колонну в поезд. В 12 час. ночи эшелон за эшелоном направился в Новороссийск; войска были вполне подготовлены на случай боя с немцами и турками» (стр. 53). Как мы уже говорили, Е. Ковтюх шел по маршруту: Новороссийск-Геленджик-Туапсе-Белореченская-Армавир. С каждым из этих пунктов связаны события, о которых пишет Е. Ковтюх и которые художественно воспроизводит в своей повести А. Серафимович.

«Преимуществом этого пути движения,— говорит Е. Ковтюх,— являлось то, что здесь имелось вполне исправное шоссе Новороссийск-Туапсе-ст. Белореченская, откуда начинались хорошие грунтовые дороги. Большое значение имела также железнодорожная ветка, идущая от города Туапсе на Армавир. Путь до Туапсе, прикрытый с севера кавказским хребтом, с юга — Черным морем, был занят слабым противником — грузинской дивизией (меньшевиков) и, кроме того, окончательно отрывал массу от домашних влияний.

Отрицательные стороны выбранного направления заключались в том, что почти до ст. Белореченской лежала бесплодная территория, на которой трудно было найти продовольствие и фураж, между тем как части войск никаких запасов не имели. Путь пролегал по узкому скалистому берегу моря, с трудными подъемами и спусками, и почти до ст. Белореченской не давал простора для действий; наконец, положение осложнялось тем, что с неподготовленными даже и к обыкновенной войне войсками приходилось вести горную войну» (Е. Ковтюх, стр. 51).

Глава IX

Движущаяся извилистым путем между горами и морем колонна изображается А. Серафимовичем в виде змеи. «Спустившаяся голова, бесконечной лентой обогнув город между бухтой и цементными заводами, далеко втянулась в

узкую полосу». В главе XXX: «Бесконечно извивающаяся змея, шевелясь бесчисленными звеньями, вновь поползла в горы к пустынным скалам мимо пропастей, обрывов, расщелин, поползла к перевалу, чтобы перегнуться и сползти снова в степь, где хлеб и корм, где ждут свои».

Этому зрительному явлению дается дополнение звукового характера. Колонна напоминает «дико шумящий поток» (гл. VII). В главе XXXIII для сравнения говорится о шуме реки. И этот щум напоминает Кожуху «ту шумящую реку и ночь, когда все это началось». В главе XXXI колонна «медленно ползет, все покрывая нестройным гулом шагов, разрозненным звуком копыт, скрипучей музыкой обозов». Об этом оглушительном шуме от движущейся колонны говорит и Е. Ковтюх в своей книге. Когда колонне удалось вступить вновь в Кубанскую область, «отроги Кавказского хребта стали значительно понижаться и вместе с тем миновали те трудности, которые пришлось испытывать при переходе через гребень главного хребта, где были растрачены силы войск в борьбе с природой. Здесь было возможно свободнее вздохнуть, имея перед собой некоторый простор действий, и избавиться от шума и треска повозок громадного обоза, двигающегося по узкому и глубокому ущелью среди гор. Этот шум и треск наводил на многих особый ужас» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, стр. 68).

* * *

В той же главе девятой дано описание обстрела с немецкого броненосца по идущим красным колоннам. Об этом у Е. Ковтюха такие строки: «За второй колонной уже утром 26 августа пришла и третья колонна, преследуемая казаками. Хвост этой колонны обстреливался артиллерийским и пулеметным огнем даже тогда, когда вошел в город. Тогда немецкий капитан, начальник гарнизона гор. Новороссийска, приказал своим и турецким войскам немедленно погрузиться на пароходы, на которых они прибыли в Новороссийск. Выйдя в море и отойдя на некоторое расстояние, пароходы открыли сильный артиллерийский огонь из тяжелых пушек сначала по спускающимся с гор в город белым, а потом и по нашей третьей колонне, выходившей из города (большая часть ее уже вышла на шоссе и была прикрыта от обстрела горами). Затем немцы перенесли огонь по белым, и вскоре у

них завязалась сильная перепалка. Пока они дрались, части успели уйти на порядочное расстояние от города». (Е. Ковтюх, стр. 53).

При чтении главы десятой повести получается впечатление, что была обстрелена колонна Кожуха, а на самом деле была обстрелена не она, а третья колонна. Но само собой разумеется, что эта протокольная точность не обязательна для художника. А. Серафимович стремится здесь на конкретных образах показать действие этого обстрела. В связи с первым залпом он изображает смерть гнедого мерина и плач над ним Горпины и Анны, а со вторым залпом — смерть младенца на руках у матери: «Она закричала диким, звериным голосом. К ней кинулись, она не давалась, злобно вырываясь и суя в холодный ротик грудь, из которой белыми каплями капало молоко. Маленькое личико с полузаведенными глазками погасло, наливаясь желтизной».

По сообщению Е. Ковтюха, немцы стреляли из тяжелых пушек сначала «по спускающимся в город казакам, а потом и по нашей третьей колонне». А. Серафимович строит свою главу девятую не на основе точной фактической правды, а на основе возможной. Он дает обратное: немцы с броненосца сначала обстреливают колонну, а затем видя, что казаки в свою очередь тоже преследуют ее сзади, переводят свои пушки на казаков. Это дает писателю возможность облечь дальнейшее описание обстрела в такую ироническую форму:

«Кайзеровский комендант обиделся. Женщин, детей он мог расстреливать — этого требовал порядок, но другие этого не смели делать без его, коменданта, разрешения. Длинный хобот орудий на броненосце поднялся и ахнул огромным языком» и т. д.

Глава девятая заканчивается проходом частей через Новороссийск и стремлением, находящихся в городе раненых красноармейцев пристроиться к отступающим обозам красных частей. Это стремление облечено у писателя в умоляющие «то охриплые, то срывающиеся голоса», ибо раненые знают, что вслед за красными частями в город войдут озверелые казаки.

Злодеяния казаков подробно описаны в книге Е. Ковтюха: «В Новороссийске часть раненых красноармейцев, те,

кто мог ходить, присоединились к нашим войскам, тяжело раненые были погружены в обоз беженцев, а остальные оставались в городе, так как произвести полную эвакуацию было не на чем. Кроме того, в городе задержалось много беженцев, советских работников и матросов, надеявшихся где-нибудь скрыться. Белые, заняв город, построили на самых видных местах и площадях большое количество виселиц, ловили всех оставшихся и под конвоем рядами подводили к виселицам. Стоя в строю перед виселицами, они должны были наблюдать, как расправляются с их товарищами, и ждать своей очереди. Тут же городские извозчики через некоторое время собирали трупы повешенных и свозили в море. Так как обреченных оказалось слишком много, белые использовали вместо виселиц телеграфные столбы. Это было только в Новороссийске. Ужасающая расправа белых в городе продолжалась три дня. Офицеры и казаки, перепившись, превратились в каких-то разъяренных хищных животных, насиловавших тысячи невинных женщин и детей. В эти три дня белым командованием было разрешено вступившим в Новороссийск частям делать, что кому нравится. Впоследствии выяснилось, что белые за эти дни изрубили всех оставшихся раненых красноармейцев как в лазаретах, так и в эшелонах, находившихся на станции, матросов и советских работников, которым не удалось скрыться. Почти такую же расправу белые учинили над оставшимися беженцами, отпустив только некоторых женщин, раздетых и изнасилованных» (Е. Ковтюх «Железный поток» в военном изложении»; изд. 1931 г., стр. 56).

В главе девятой, изображая поток идущих красноармейцев и беженцев, А. Серафимович весьма непривлекательными чертами рисует черноморских матросов: «В этот нескончаемый поток с треском, с матерной руганью просоленных морскими ветрами голосов, ломая чужие оси и колеса, стал вливаться из города другой поток груженых повозок. На этих нескончаемых повозках виднелись кряжистые, плотно сбитые, проспиртованные фигуры матросов; синели на белых матросках отложные воротнички, полосками свешивавшиеся с круглых шапочек черные с золотыми надписями ленточки. Больше тысячи повозок, бричек, дрожек, фаэтонов, колясок — влилось в проползавшие обозы, а на них крашеные бабы и тысяч пять матросов, ру-

гающихся самыми солеными матерными ругательствами».

В следующей главе, десятой, матросы демагогически агитируют среди беженцев и красноармейцев против Кожуха: «Чего вы смотрите на него,— кричат матросы, обвешенные револьверами, бомбами, пулеметными лентами, обходя двигавшиеся повозки, вмешиваясь в идущие ряды,— не видите, свое гнет. Али не он был офицером? Золотопогонщик и есть. Вот попомните: заведет он вас. Будете лопатки кусать, да поздно».

В главе XII матросы во время ночного отдыха: « И люди особенные, крупные, широкоплечие, с уверенными движениями. Когда попадают в красно-колеблющийся круг костра — отъевшиеся, бронзовые, в черно-болтающихся штанах-клеш, в белых матросках с низко открытой бронзовой шеей и грудью, и на спине с круглых шапочек болтаются ленточки. Ни одного слова, ни одного движения без матерной ругани.

Женщины, выхваченные из темноты мигающим отсветом костра, мелькают крикливыми пятнами. Смех, визги — любезные балуются. Подобрав цветные юбки, на корточках готовят на огне костров, подпевая подозрительно-хриплыми голосами, а на четырехугольно белеющих на земле скатертях коробки с икрой, сардины, бутылки вина, варенье, пироги, конфеты, мед. Этот табор далеко тянется во тьме гомоном, звоном, разухабистым смехом, бранью, перекликами, неожиданно стройными, звучно звенящими звуками мандолины и балалаек. Или вдруг мощно заполнит темноту пьяный, но спевшийся дружный хор, да оборвут: вот, видели мол нас, все можем. И опять тоже — звон, смех, говор, взвизги, шуточки, матерщина».

В главе XIV агитация матросов дана с дальнейшим нарастанием самой грязной демагогии. «Куда вас ведет Кожух? Подумали? Мы революцию подымали. Вон весь флот ко дну пустили, не посмотрели на Москву. Большевики там шуры-муры с Вильгельмом завели, а мы никогда не потерпим предательства народных интересов. Ежели интересы народа пренебрег — на месте. Кто такой Кожух? Офицер! А вы бараны идете, уткнув лбами. Эх, безрогие».

Эта сцена кончается крупной перебранкой. С помощью диалога украинцев А. Серафимович дает понять об источниках материального благополучия матросов.

— Боченков с вином у них дуже богато.

— У казаков награбили.

— Як награбили. За все платили.

— Та у них грошей, хоть купайся.

— Вси корабли обобрали.

— Та то ж пропадать грошам треба, як корабли потопили. Кому от того прибыль!

В конце главы XIX опять такое изображение матросов. «Матросы шли огромной беспорядочной гурьбой, то заливаемые лунным светом, то невидимые в черной тени, и, как смрадное облако, шла над ними, не продыхнешь, подлая ругань». Эта глава кончается крупным столкновением Кожуха с матросами, при котором Кожух спасается от кровавой расправы над ним только с помощью пулемета.

И, наконец, в главе тридцать девятой А. Серафимович изображает попытку матросов врасплох убить Кожуха.

Весь этот подбор отрицательных черт дает законченное представление о степени разложения черноморских матросов. Повидимому, материал для такой характеристики писатель-художник получил от Ковтюха, беседуя с ним об отступлении Красной Таманской армии.

В своей книге «От Кубани до Волги» Е. Ковтюх говорит о поведении матросов сдержанно, но определенно.

В самом начале своей летописи Ковтюх уже отмечает: «Появление черноморских моряков на территории Кубанской области страшно подорвало авторитет Советской власти, в виду того, что их поведение далеко не всегда было безупречно» (стр. 8). Это в первом издании своей книги. А во втором — Е. Ковтюх в свой рассказ вносит поправку, дабы отвести упреки в односторонности. В новой редакции мы имеем следующее: «Часть черноморского флота приняла активное участие в строительстве Советской власти, но работе этой сознательной части значительно мешали разложившиеся, анархически настроенные моряки и подделывавшийся под них разный темный элемент, которые своим поведением сильно подрывали авторитет Советской власти в Кубанской области».

(Е. Ковтюх. «Железный поток» в военном изложении, изд. 1931 г., стр. 21).

Рассказывая о занятии Геленджика, Ковтюх отмечает: «Беженцы, раненые красноармейцы и матросы (5000 матр.),

следовавшие за колонной, но отказывавшиеся вступить в ее ряды, страшно обременяли части колонны» (стр. 57). В том месте книги, где Ковтюх рассказывает, как, после выхода Таманских красных колонн из белогвардейского окружения, произошла радостная встреча с главными силами Северного Кавказа: «На этом митинге раскаивались и те, кто чинил какие-либо препятствия во время выполнения плана соединения с главными силами для спасения жизни их же самих, а таких было очень много (в этом отличались в особенности моряки), но за их чистосердечное признание им все было прощено» (стр. 77). Сцена этого покаяния имеется и в «Железном потоке».

Во время диспутов А. Серафимович в ответ на упреки некоторых читателей, по поводу изображения черноморских матросов, заявил:

«Товарищи, из песни слова не выкинешь, а я больше всего боялся неправды. Но как же, в самом деле, с матросами? Ведь все мы отлично знаем, что в царской армии и флоте матросы были самым революционным элементом. Во время Октября они бесстрашно шли в революционную борьбу и погибали массами, а тут вдруг «такая музыка». Но, видно, революция не идет по ровной дорожке, в революции масса всяких отклонений, внутренних противоречий, а это сказалось, в частности, на матросах. Они отдались революции и клали головы без колебаний. Но вот, когда в Новороссийске матросы топили флот, который по Брестскому миру надо было передать немцам, они вынули из корабельных касс все деньги, которых много было в каждом корабле.

Они это сделали по общему согласию и поделили поровну между собой. Потом они закрутились, стали пить, гулять с девчатами, деньги у них сыпались, как из мешка, они как будто старались от них скорее отделаться. Но это даром не прошло: матросы стали разлагаться, и когда началось контрреволюционное восстание казаков и громадная масса беженцев стала уходить, матросы почуяли, что их всех до одного перережут казаки. Часть матросов остались в Новоросийске и этих офицеры живыми закапывали в землю, другая часть матросов влилась в отряд Кожуха и стала разлагать его, и это разложение, как смерть, все время ослабляло отряд. Эти матросы не были контрреволюционерами, но не было у них достаточного сознания, что

Кожух делает правильно, устанавливая железную дисциплину в своем отряде. Матросы стали бузить, разводить демагогию насчет того, что Кожух, дескать, был офицером и пр. и матросы хотели даже убить Кожуха. И только под конец, когда они увидели, что были неправы, они всенародно покаялись.

Такой, товарищи, случай был. В художественном произведении надо, прежде всего, избегать вранья и подкрашивания действительности».

(«На литературном посту», 1928 г., кн. 4, стр. 28-29).

Но все же некоторые колебания на этот счет у А. Серафимовича остались. В своих высказываниях от 4 февраля 1929 г., записанных Г. Нерадовым, писатель говорит:

«По поводу матросов я получал недовольные письма: «Почему вы рисуете их бандитами?» Я на это отвечал: «Товарищи, из песни слова не выкинешь. Матросы, действительно, самая революционная прослойка, но надо иметь в виду, так сказать, «издержки революции». Ведь случается, и старые партийцы разлагаются. И тут случилось, что целая прослойка действительно революционных матросов разложилась. У меня ведь дается обоснование: у них была масса денег, и главное, их портила бездеятельность. Не было у них приложения сил, по крайней мере, в такой форме, в какой они оказались бы на месте. Вот когда было: «Дави буржуазию, попов», «Дави, руби». На митинге тогда лафа. Потом это схлынуло. Некуда было энергию девать. Конечно, я вполне соглашаюсь с вами,— этого не скажешь про матросов Кронштадта, среди них были настоящие старые большевики. Ковтюх тоже мне рассказывал, что часть матросов стала в строй. Вы правы, с матросами у меня получилось как-то однобоко и несколько невыдержанно. Действительно, это я упустил. Соглашаюсь с вами и внесу поправку». (А. Серафимович, т. XIII, изд. 1930 г., стр. 239).

Г. Батурин в своей книге говорит о различных дезорганизаторах в общей форме, не указывая на матросов, но все же подчеркивая разлагающее влияние безответственных людей. «В массах оставалось доверие к вождям, но доверие это было частично и разрозненно. Матвееву верили его полки, Ковтюха знали и надеялись на него в его частях, Сафонов пользовался популярностью в своем полку, но общей спайки пока не было и что приносило еще громад-

ный вред, так это то, что появились личности, так сказать, присталые, которые ничего не сделали полезного, ничем не отличались, ничьим доверием ранее не пользовались, но на собраниях и митингах, просто потому, что имели большой рот, или желали приобрести случайную популярность, выступали и кричали громче всех, сбивая с толку людей и вселяя недоверие к командованию». (Г. Батурин, Красная Таманская армия, изд. 1923 г., стр. 8).

Глава X

«Кто они, откуда они, куда так безостановочно идут, устало махая руками? Желтые, как дубленая кожа, лица. Запыленные, изодранные. Черные круги вокруг глаз. Скрипят повозки, глухо постукивают усталые копыта. Выглядывают из повозок дети. Должно быть, без отдыху, и лошади опустили морды.

А уж солнце куда выше гор, и земля наливается зноем, и на блеск моря больно смотреть. Час, два, опять — все идут и идут. Люди стали шататься, лошади останавливаться.

— Чи вин с глузду не зъихав, цей Кожух.

Кожуху доложили, что от его колонны оторвались присоединившиеся две колонны Смолокурова со своими обозами и заночевали в селении на пути, и теперь между ними верст на десять свободное шоссе. Он сузил маленькие глазки, пряча не к месту насмешливые огоньки, и ничего не сказал. И все шли и шли».

К моменту выхода из Новороссийска колонна Кожуха состояла из трех пехотных полков, одного отдельного батальона и трех отдельных эскадронов кавалерии (всего до 12 тыс. штыков, 600 сабель, при одном полевом орудии). За колонной Ковтюха шли еще две колонны, которые потом были объединены под командой Матвеева. Эти две колонны вместе имели, приблизительно, столько же штыков и сабель и группировались вокруг двух уцелевших полков (2-й Северо-Кубанский и 4-й Днепровский). Никаких запасов продовольствия и фуража не было. Как мы уже говорили, путь намечался через Новороссийск-Геленджик-Туапсе-Белореченская-Армавир.

В главе десятой и в примыкающих к ней следующих главах (11-12) развернута общая бытовая картина движения колонн на пути к Геленджику.

Глава XIII

Ночная беседа беженцев дана А. Серафимовичем на основе того места из сообщений Е. Ковтюха, где говорится о расправе белых в Новороссийске.

Е. Ковтюх говорит об этих зверствах казаков так: «Ужасающая расправа белых в городе продолжалась три дня: офицеры и казаки, перепившись, превратились в каких-то разъяренных хищных животных, насиловавших тысячи невинных женщин и детей. В эти три дня белым командованием было разрешено вступившим в Новоросийск частям делать, что кому нравится. Впоследствии выяснилось, что белые за эти дни изрубили всех раненых красноармейцев, как в лазаретах, так и в эшелонах, находящихся на станции, матросов и советских работников, которым не удалось скрыться. Почти такую же расправу белые учинили над оставшимися беженцами, отпустив только некоторых женщин, раздетых и изнасилованных» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, 1931 г., стр. 56).

Этот рассказ Е. Ковтюха в указанной тринадцатой главе подвергается А. Серафмовичем драматизации с помощью образного диалога беженцев, сидящих во время ночного отдыха у костра, и авторских лирических отступлений.

— Дуже дивчину мучилы, ой, как мурдовали. Казаки цила сотня... один за одним сгнушались над ней, так и умерла под ними. Сестрой у наших в госпитали была, стрижена, як хлопец, босиком все бигала, работница с заводу; конопата, ризва така. Не схотила тикать от раненых: «никому присмотреть, никому воды подать». У тифу богато лежало. Всих порубили — тысяч с двадцать. Со второго этажа кидалы на мостовую. Ахвицеры, казаки с шашками по всему городу шукали, всих до одного умертвилы. Богато залило увись город.

Опять темь и над тьмой звезды, и он спокойно рассказывает, и все опять чувствуют то, о чем молчит: двадцатилетнему сыну прикладом разможжили голову; старуху мать засекли плетьми; жену насиловали, сколько хотели, потом вздернули петлей на колодезный журавель, а двое маленьких неведомо куда пропали,— молчит, но все это откуда-то знают» (гл. XIII, изд. 1930 г., стр. 80—81).

Так писатель-художник сжатое сообщение Е. Ковтюха облекает в образную картину человеческих страданий.

Глава XVII

«В громадной столовой, отделанной под дуб, с протянутыми и разорванными по стенам дорогими картинами, в слабом озарении приклеенной восковой свечи видны наваленные по углам седла, составленные пирамиды винтовок, солдаты в мертвых странных позах храпят на разостланных на полу дорогих с окон занавесях и портьерах, и стоит тяжелый потный человеческий и лошадиный дух.

Узко и черно смотрит в дверях пулемет.

Нагнувшись над великолепным дубовым резным столом, длинной громадой протянувшимся посреди столовой, Кожух вцепился маленькими глазами, от которых не вывернешься, в разостланную на столе карту. Мерцает церковный огарок, капая стынущим воском, и живые тени торопливо шевелятся на полу, по стенам, по лицам».

В этой главе семнадцатой показан ночлег в Геленджике, твердое решение Кожуха окончательно договориться с красноармейскими частями и командным составом относительно строгого повиновения и железной дисциплины во имя спасения всех. В книге Е. Ковтюха этой главе соответствуют такие строки:

«Учитывая, что предстоит очень долгий путь следования и столкновение с организованным противником неизбежно, было ясно, что с войсками неорганизованными, не имеющими твердого боевого духа и дисциплины, да еще без боевых припасов и продовольствия, надеяться на полное осуществление задуманного плана нельзя. Необходимо было принять какое-то более радикальное решение, во что бы то ни стало выполнить план соединения с главными силами войск Северного Кавказа.

27 августа утром, перед наступлением, я приказал построить колонну и сообщил о проделке белых в Новороссийске, о том, что впереди нас расположена грузинская дивизия меньшевиков и часть казаков, пришедших из гор Майкопа и что итти для соединения с главными силами войска Северного Кавказа до Терской области. Для того, чтобы это осуществить, от войск колонны необходимо полное подчинение и точное безупречное выполнение боевых приказов и распоряжений. Только при этом условии можно преодолеть все препятствия и лишения и осуществить план соединения, в противном случае мы погибнем здесь все.

Красные бойцы, сознавая трудность своего положения между непроходимой стеной гор, покрытых лесом, и берегом моря, и притом окруженные врагами, единогласно решили беспрекословно выполнять боевые приказы своих командиров». (Е. Ковтюх «Железный поток» в военном изложении», изд. 1931 г., стр. 57).

Этот деловой рассказ Ковтюха не только развертывается у А. Серафимовича, в главе семнадцатой, в картину полную живости, но писатель привносит в нее черты дополнительного характера. Так, например, вся обрисовка скрытых взаимоотношений между Кожухом и различными частями командного состава, а также образная характеристика настроения солдат, на которых, главным образом, стремится опереться Кожух,— все это уже является всецело достоянием писателя-художника.

Глава XVIII

«Вторая и третья колонны, шедшие за колонной Кожуха, далеко отстали. Никто не хотел напрягаться — жара, усталость. Рано становились на ночлег, поздно выступали утром. Пусто белевший простор по шоссе между головой и задними колоннами становился все больше и больше».

В этой главе А. Серафимович изображает избрание Смолокурова начальником над всеми тремя колоннами. Смолокуров — это, как мы уже говорили, матрос Матвеев. Но Ковтюх настолько самостоятельно командовал первой колонной и не признавал над собой начальства Матвеева, что даже в своей книге ограничивает пределы власти Матвеева двумя колоннами: «Вторая и третья колонны далеко отстали. Они, дойдя до Геленджика, остановились и избрали себе командующего двумя колоннами, тов. Матвеева» (Е. Ковтюх, стр. 39). А. Серафимович остается до конца на стороне Кожуха, ибо Кожуху принадлежит вся инициатива и вся главная тяжесть героического отступления. Попытке Смолокурова заставить Кожуха признать власть его, Смолокурова, А. Серафимович придает даже черты комического бессилия.

— Товарищ Смолокуров, Кожух вас в грош не ставит, прет себе и прет,— говорили командиры,— и в ус не дует на все ваши приказы.

— Да что вы с ним поделаете — добродушно смеялся Смолокуров,— я что ж, я по сухопутному не могу, я по морской части.

— Да вы ж командующий всей армией, вас же ведь выбрали, а Кожух ваш подчиненный.

Смолокуров с минуту молчит, потом вся его громадная фигура наливается гневом.

— Хорошо, я его сокращу... Я сокращу...

— Что же мы плетемся у него в хвосте. Нам необходимо самим выработать план, наш собственный план. Он хочет берегом дойти до перевальной шоссейной дороги, которая от моря через горы в кубанские степи идет, а мы двинемся сейчас вот отсюда, через хребет, через Дифановку,— тут старая дорога через горы, и будет короче.

— Послать немедленно приказ Кожуху,— загремел Смолокуров,— чтоб ни с места со своей колонной, а самому немедленно явиться сюда на совещание. Движение армии пойдет отсюда через горы. Если не остановится, прикажу артиллерией разгромить его колонну.

Кожух не явился и уходил все дальше и дальше и был недосягаем».

Это нелепое стремление Смолокурова, под влиянием дурных советчиков, свернуть и пойти через горы изображено писателем на основании добытых материалов.

«Смолокуров приказал сворачивать армии в горы. Тогда его начальник штаба, бывший в академии и учитывавший положение, когда не было командиров, при которых Смолокуров становился на дыбы, осторожно — Смолокуров был невероятно упрям — сказал:

— Если мы пойдем тут через хребет, потеряем в невылазных горах все обозы, беженцев и, главное, всю артиллерию — ведь тут тропа, а не дорога, а Кожух правильно поступает: идет до того места, где через хребет шоссе. Без артиллерии казаки нас голыми руками заберут, да к тому же разобьют по частям — отдельно Кожуха, отдельно нас.

Хоть это было ясно, но не это было убедительно. Было убедительно то, что начальник штаба говорил очень осторожно и предупредительно по отношению к Смолокурову, что за начальником — военная академия и что он этим не кичится.

— Отдать распоряжение двигаться дальше по шоссе, — нахмурился Смолокуров.

И опять шумными, беспорядочными толпами потекли солдаты, беженцы, обозы».

По этому поводу в книге Е. Ковтюха несколько таких строк: «Матвеев решил не итти на город Туапсе, а свернуть на север, через Дееранскую, Ставропольскую на Ключевую, рискуя лишиться всей своей артиллерии (за неимением необходимых дорог), которой у него насчитывалось до 20 орудий. Но от этого бесцельного решения т. Матвеева отговорил начальник его штаба, тов. Батурин, который безусловно верно учел, что лучше итти на город Туапсе по шоссейной дороге, очищенной от противника первой колонной, чем по неизвестному пути» (Е. Ковтюх, стр. 62).

Таким образом придавая Смолокурову черты упрямого и ограниченного человека, А. Серафимович оставался в полном согласии с исторической правдой.

Когда Ковтюх около станицы Белореченской должен был итти в наступление против белогвардейцев генерала Покровского, то обостренные отношенные между Ковтюхом и Матвеевым сказались. Сам Е. Ковтюх проявляет в своей книге, особенно когда дело касается Матвеева, большую сдержанность. Но факты, сообщаемые Ковтюхом, говорят сами за себя, вскрывая не совсем достойное поведение Матвеева. «В 1 час ночи от командиров частей поступили донесения, что их части благополучно подошли вплотную к позиции противника и залегли. К этому же времени наконец прибыли к ст. Белореченской передовые части второй колонны, при которых находились тов. Матвеев и начальник его штаба тов. Батурин. Я поспешил к ним, в короткой беседе изложил подробно всю обстановку, свои намерения и просил тов. Матвеева оказать поддержку в ночной атаке. Тов. Матвеев в этом отказал, мотивируя свой отказ усталостью войск и тем, что они еще не подошли. Тогда я стал его просить помочь теми частями второй колонны, которые в данный момент вступают в станицу. Тов. Матвеев и в этом отказал. Однако на помощь пришел тов. Батурин. Он уговорил тов. Матвеева расположить вторую колонну не в станице, а на станции Белореченской в виде резерва моей колонны и помочь своей артиллерией. Такое расположение второй колонны дало мне возможность снять свой резерв и

усилить атакующие части и артиллерию» (Е. Ковтюх, стр. 75).

Этот сдержанный рассказ Ковтюха преобразуется под пером писателя-художника (глава тридцать шестая) в картину замечательной яркости.

«У стола стоял во весь богатырский рост, не нагибаясь, прихлебывая из стакана крепкий чай, Смолокуров; черная борода красиво оттенялась на свежем матросском костюме.

— Здорово, братушка,— сказал он бархатно-густым круглым басом, глядя сверху вниз, вовсе не желая этим обидеть Кожуха,— хочешь чаю?

Кожух сказал:

— Через десять минут у меня атака. Части залегли под самыми окопами. Орудия наведены. Подведи вторую колонну обоим флангам и победа обеспечена.

— Не дам.

Кожух сомкнул челюсти и выдавил:

— Почему?

— Да потому, что не пришли,— добродушно и весело сказал Смолокуров и насмешливо посмотрел сверху на низкого, в отребьях, человека.

— Вторая колонна входит в станицу, я сам сейчас видел.

— Не дам.

— Почему?

— Почему, почему, започемукал,— густым красивым басом сказал тот.— Потому что устали, надо отдохнуть людям. Только родился, не понимаешь.

У Кожуха, как сжатая пружина, упруго вытеснило все ощущения. «Если разобью, так один...».

И сказал спокойно.

— Ну, хоть введи на станцию в резерв, а я сниму свой резерв и усилю атакующие части.

— Не дам. Слово мое свято, сам знаешь.

Он прошелся из угла в угол, и на всей громадной фигуре и на добродушном перед этим лице легло выражение бычьего упорства, теперь его хоть оглоблей расшибай. Кожух это понимал и сказал адъютанту.

— Пойдемте.

— Одну минуту,—поднялся начальник штаба и, подойдя к Смолокурову, сказал в одно и то же время мягко и веско: — Еремей Алексеич, на станцию-то можно послать, ведь в резерве будут.

А за этим стояло: «Кожуха разобьют, нас вырежут».

— Ну, что ж... да ведь я-то... собственно, ничего не имею... что ж, бери, какие части подошли.

Смолокурова ничем нельзя было сдвинуть, если он на чем-нибудь уперся. Но перед маленьким нажимом со стороны, с которой не ожидал, сразу растерянно сдавался». (Гл. XXXVI).

Как и в первом случае — в намерении Смолокурова итти через горный хребет, через Дефановку,— так и в этом случае А. Серафимович останавливает внимание читателя на той значительной роли, которую играл начальник штаба при Смолокурове. Писатель не называет его по имени, но он назван в книге Е. Ковтюха. Это — Г. Н. Батурин.

Сам Г. Батурин в своей книге касается взаимоотношений с Матвеевым. Батурин также отмечает ограниченность и упрямство Матвеева, но в его рассказе есть и ноты снисходительности к Матвееву, так трагически впоследствии погибшему. Матвеев изображается Батуриным как жертва дурных советчиков, кроме того бывший начальник штаба Таманской Красной армии в обрисовку Матвеева вводит несколько черт смягчающего характера. Приведем это место из очерка Г. Батурина:

«После боя под Архип-Осиповской произошел инцидент, который едва не погубил армию, благодаря невежеству в военном деле некоторых лиц, успевших ввести в заблуждение тов. Матвеева. Дело в том, что некоторые из командиров полков, рассматривая карту и плохо ориентируясь в ней, пришли к убеждению, что путь до Белореченской, где по сведениям должна была находиться армия Сорокина, гораздо ближе через Дефановку по так называемому старому шоссе. Свое мнение эти командиры высказали тов. Матвееву без ведома штаба, мотивируя неправильными соображениями, что итти на Туапсе, занятый противником, совершенно не следует, что можно избежать лишнего столкновения с силами противника, свернув на кратчайшую дорогу— Дефановка, Фанагорийский и на Гурийскую. Тов. Матвеев заявился в штаб и заявил: «Идем на Дефансвку».

Было отчего притти в ужас. Во-первых, надо было, конечно, знать Матвеева как человека, а во-вторых, учесть все неимоверные трудности Дефановского пути в связи с обстановкой того горного театра военных действий, где опери-

ровали отряды белых, окружая Таманскую армию почти сомкнутым кольцом.

Иван Иванович Матвеев — добрый товарищ, иногда отчаянной храбрости боец, человек решительного характера, не любивший много, как он сам выражался, примеривать, был упрям и убедить его переменить свой взгляд на что бы то ни было было мудрено.

Дефановская дорога, или старое шоссе, представляла собой узкий горный путь, испорченный и невозможный для переброски артиллерии и громадных обозов армии. В горных станицах находились неприятельские отряды, а выходя на эту дорогу, мы оставляли у себя с правого фланга, а потом в тылу группу противника в Туапсе.

С большим трудом, но все-таки удалось переубедить тов. Матвеева и доказать ему опасность Дефановского похода, необходимость занятия Туапсе и ликвидирования неприятельского туапсинского отряда. Лишь только И. И. Матвеев переменил свой взгляд на дело, как тотчас же обрушился на командиров, выдвинувших свой «дефановский план». Положение было спасено и армия двинулась на Джубгскую-Михайловскую-Туапсе». (Г. Батурин. Таманская армия, изд. 1923 г., стр. 15-16).

Впоследствии, уже после отступления Таманской армии, Матвеев, с которого А. Серафимович писал своего Смолокурова, был расстрелян Кавказским Реввоенсоветом за отказ выполнить одно боевое задание.

Но повидимому популярность Матвеева среди партизан тех колонн, которыми он руководил, была все же несомненной. В своей книге «Станица» В. Ставский говорит о вернувшихся с фронта гражданской войны красных воинах. «Часть из них пошла в артель «Братская жизнь», что на речке Первые Кочети. Вслед за ними из станицы вышло на хутор восемьдесят дворов — почти все бывшие красные партизаны. И хутор назвали Красноматвеевский — в честь покойного командующего Таманской армией. Огромное большинство из них впервые получили землю. Во главе хуторян стоял коммунар — вальяновский казак Алексей Марухно, командир эскадрона Таманской армии, а затем в армии Буденного». (В. Ставский. Станица. Изд. 1929 г., стр. 123).

Главы XX—XXII

На фоне морского и горного пейзажа А. Серафимович продолжает показ движения беженцев и красных войск, вводя ряд эпизодов. Борьба с голодом и поиски какой-нибудь пищи составляют основное содержание этих глав, соответствующих запискам Ковтюха. В конце двадцать первой главы «Железного потока» такая картина:

«Бабы, девки, ребятишки — все пробираются к лесу. Крики, смех, плач — впиваются в тело иглы, дерут шипы, цепко обвиваются лианы и ни взад ни вперед: да голод не тетка, все лезут.

Иногда раздвинутые горы, и по склону зажелтеет небольшое поле недозрелой кукурузы — где-нибудь под берегом приткнулась деревенька. Поле разом, как саранчей, покрывается народом. Солдаты ломают кукурузные метелки, потом идут по шоссе, растирают на ладони, выбирают сырое зерно в рот, и долго жадно жуют.

Матери, набрав зерен, тоже долго жуют, но не глотают, а теплым языком впихивают в ротик детям разжиженную слюной кашку».

Материалом для этих картин явилось следующее место из хроники Е. Ковтюха: «На всем пройденном от Новороссийска пути добыть продовольствия в виду бесплодности края, не представлялось возможным. Войска питались так называемым подножным кормом, т. е. собирали в лесах желуди, кислицы (дикие яблоки и груши), и на редких полях — зеленую кукурузу, которую ели вместе с соломой. Голод усиливался по мере продвижения. Такой же голод испытывали и все беженцы, которых теперь уже насчитывалось до 30 тыс., включая раненых и моряков. Кроме того, особая нужда испытывалась в обмундировании. Почти все красноармейцы выступили в поход в чем были. Действия в горах и лесах привели в ветхость все обмундирование и вскоре многие оказались совершенно голыми». (Е. Ковтюх, стр. 61).

Главы XXII—XXV

В этих главах изображается путь на Туапсе — преодоление самых серьезных препятствий, ставших на пути движущихся колонн. В книге Е. Ковтюха об этом говорится так:

«По пути к Туапсе были добыты сведения, что противник сильно укрепил Михайловский перевал, находящийся в 4-5 верстах северо-западнее Туапсе, расположил на нем всю дивизию и выслал конный полк, который должен сдерживать наше движение, пока его главные силы окончательно не укрепятся на перевале» (стр. 40).

Весь бой под Туапсе пришлось выдержать главным образом колонне Ковтюха. Эта борьба за укрепленный грузинами Михайловский перевал — один из самых героических эпизодов, на котором в этих главах сосредоточивается А. Серафимович.

Из рассказа Е. Ковтюха можно видеть, как Серафимович использовал уже в чисто художественном плане все основные моменты этой борьбы.

«Вечером, собрав и опросив проводников из местных жителей, я составил такой план действий: трем эскадронам за ночь во что бы то ни стало обойти незаметно для противника Михайловский перевал и к рассвету быть с восточной стороны г. Туапсе, откуда ворваться в город, захватить его и в нем расположенный штаб грузинской дивизии. Эскадронам придал хорошо знающих все окружающие хребты и возвышенности пять проводников.

Один пехотный полк с наступлением темноты я спустил по обрывистому, скалистому берегу к морю и приказал ему, перебираясь по камням, к рассвету добраться до Туапсинской бухты, атаковать ее и захватить пароходы. С остальными тремя полками я решил под прикрытием ночной темноты атаковать перевал в лоб» (стр. 40).

Этому месту из рассказа Е. Ковтюха соответствуют в «Железном потоке» последние страницы главы двадцать третьей, где Кожух отдает приказание на основе своего замысла. При этом картина во всей своей живости встает перед глазами читателя, благодаря искусно вправленному изображению горного пейзажа.

«Перед глазами у всех в темном молчании отпечаталось: дремучий лес, за ним кремнистый подъем, а над ним одиноко, как смерть с опущенным взором, отвес скалы... Постояло и растаяло. В ущелье вползла ночь. Кожух вскарабкался на уступ. Внизу смутно тянулись ряды тряпья, босые ноги, выделялось колко множество теснившихся штыков» (гл. XXIII).

Общий ход боя под Туапсе представлен в книге Е. Ковтюха в таком виде:

«Части, обходящие перевал справа и слева, достигли своих пунктов, а полки, назначенные для лобовой атаки противника, с наступлением темноты скрытно пробрались по густому лесу и по каменистому крутому подъему и подошли к почти отвесному подъему высотой 8—10 метров. Казалось, здесь уже тупик, но таманцы, полные самоотверженности, нашли исход — они стали помогать друг другу взбираться, а где не было и этой возможности, пускали в ход имеющиеся у некоторых штыки, втыкая их в трещины скал и так постепенно накоплялись перед самым носом спящего в окопах противника. Когда большая часть наших войск скопилась в удобных для атаки местах, перед рассветом мною была подана общая команда: «В атаку, вперед». По всему перевалу поднялся громкий и несмолкаемый крик «ура». Без стрельбы (потому что не было патронов) полки ворвались в окопы противника, избивая их прикладами и штыками. В это время обходящие части, услышав громкое «ура» на перевале, тоже перешли в атаку и ворвались в город. Неожиданная атака захватила противника врасплох; он растерялся, бросил свои позиции и, спускаясь с перевала, направился к морской бухте, имея в виду сесть на пароходы и уплыть в море, но бухта была уже занята пущенным в обход полком, который всех бегущих забирал в плен. Часть противника бросилась в город, но там его встретили сабли таманцев, которые обойдя перевал слева, ворвались в город с восточной стороны. В этой ожесточенной схватке почти вся грузинская дивизия была уничтожена (численность ее доходила до 7.000 штыков и сабель), за исключением начальника дивизии и некоторых офицеров, которые еще накануне вечером уехали в Сочи. Наши потери были незначительны — всего несколько десятков человек убитыми и ранеными» (Е. Ковтюх, изд. 2, стр. 63—65).

Этот бой за обладание Михайловским перевалом, приблизительно так же, со стороны фактической, описан в книге Е. Батурина «Красная Таманская армия» (стр. 17 и 18). Только в книге Е. Ковтюха недостаточно отчетливо выявлен один момент: это — захват небольшого моста железнодорожного типа, снабженного пулеметами грузин и преграждавшего красноармейцам путь по шоссе. В книге Г. Ба-

турина об этом эпизоде сказано: «Вслед затем была подготовлена часть конницы, которая должна была быстро проскакать могущее быть под обстрелом пространство шоссе, пользуясь замешательством противника, в случае удачи обхода его охотниками» (стр. 17). Этот эпизод получил у А. Серафимовича в главе XXII замечательно четкое художественное оформление.

Главы XXIV, XXV и XXVI

В этих главах А. Серафимович перебрасывает своего читателя в военный стан грузин, преграждающих путь «Железному потоку». Писатель изображает переживание молодого грузинского полковника Михеладзе, его размышления о своей личной счастливой семейной жизни, смену его настроений и, наконец, его смерть, когда бешеная атака войск Кожуха неожиданно нарушила тишину утра, когда «нестерпимо звериный рев взорвал все кругом».

Это стремление А. Серафимовича к такому показу внутреннего мира своего персонажа идет от Л. Толстого, который как бы слышит все, что думают его герои. В этом отношении можно в виде примера сделать одно сопоставление из очерка Л. Толстого «Севастополь в мае» со страницами из указанных глав «Железного потока». В очерке Л. Толстого, охваченный страхом в ожидании взрыва брошенной неприятелем бомбы, штабс-капитан Михайлов мысленно молится богу и твердит: «Да будет воля твоя! И зачем я пошел на военную службу,— вместе с тем думал он,— и еще перешел в пехоту, чтобы участвовать в кампании. Не лучше ли было мне оставаться в уланском полку в городе Т., проводить время с моим другом Наташей. А теперь вот что». Грузинский молодой полковник Михеладзе, охваченный страхом, как «резвый мальчишка» бежит к бухте, дабы вскочить на пароход. «Только б... только б... не убили... только б пощадили... Все готов делать для них. Буду пасти скотину, индюшек, мыть горшки, копать землю... убирать навоз... только б не убили. Господи... жизнь-то — жизнь». В это время Михеладзе, ища спасения, вспоминает о приглянувшейся ему гречанке: «Она ждет с черно-блестящими жалостными глазами. Она единственный в мире человек. Он на ней же-

нится, отдаст имение, деньги, будет целовать край ее одеж...» (гл. XXVI).

В своих объяснениях с рабочими читателями в ответ на вопрос, какие писатели оказали влияние на его творчество, А. Серафимович заявил: «В первую голову, товарищи, Толстой — гениальнейший из гениальных.

Не то, чтобы я сидел, глядел, как Толстой пишет и сам стал писать. Конечно нет. Но у него до того глубокие приемы построения и изображения, что мимо них никак не пройдешь. Я думаю, что бессознательно у него учатся все, и даже те, кто совершенно иначе пишет». (А. Серафимович, т. XIII изд. 1930 г., стр. 256).

В журнале «Книга о книгах» (1924 г., апр. № 1-2) А. Серафимович говорит об одном эпизоде из своего детства, когда с полки случайно упала раскрытая книга и в глаза бросилось слово «ядро».

«Я уткнулся лицом в страницу и не без труда прочитал: «... ближе и ближе, слышнее и слышнее, и ядро, нажимая воздух, ударилось возле палатки; земля ахнула от нечеловеческого удара»...

Я перелистнул назад и стал читать, и это место из толстой книги стало любимым моим чтением. Я не знал, что это за книга, кто автор, только во всякую свободную минуту бежал к полке, на которой она лежала, угадывая ее по ободранному переплету, и читал, читал в сотый раз описание Шенграбенского сражения.

Только долго спустя я узнал, что это был том «Войны и мира». А когда стал писателем — Толстой своими произведениями стал моим постоянным и строгим учителем, хотя я с ним никогда не встречался».

Слабая сопротивляемость грузинских солдат сравнительно с казаками объяснялась рядом причин, которые А. Серафимович приводит в своих высказываниях по поводу «Железного потока». «Грузины, действительно, слабо сопротивлялись, но конечно не потому, что они грузины, а потому, что во-первых не знали, за что собственно дерутся, а во-вторых глухо, но все-таки слыхали, что в Советской стране крестьянам землю дали, это до грузин доходило, и поэтому у них в глубине сознания копошились сомнения, нужно ли

воевать против Советов; в-третьих, они были страшно голодны, подвоза не было. Черноморское побережье всегда питалось подвозом, море было отрезано. Грузины страшно голодали, их солдаты были голодны, хотя и великолепно экипированы, а офицеры грузинские хорошо кушали. Конечно, на сопротивляемость это оказывало влияние. Вот где кроется причина того, что они слабо дрались». (А. Серафимович, т. XIII, изд. 1930 г., стр. 236).

На основе этих данных А. Серафимович показывает настроение солдата-грузина, стоящего часовым: «Большевики зла ему не сделали. Он будет в них стрелять с этой высоты. По шоссе ящерица не проскочит. Большевики царя спихнули, а царь пил Грузию — очень хорошо. В России, говорят, всю землю крестьянам. Он вздохнул. Он мобилизован и будет стрелять, если прикажут, в тех, что там, за скалами». (Глава XXV).

Голодающие грузинские солдаты и хорошо кушающие офицеры показаны так: «Полковник величественно прошел мимо вскакивавших и вытягивавшихся в струнку солдат с худыми лицами: не было подвоза, солдаты получали только горсточку кукурузы и голодали. Они отдавали честь, провожая глазами, и он небрежно взмахивал белой перчаткой, слегка надетой на пальцы. Прошел мимо тихонько, по-вечернему дымивших синеватым дымком костров, мимо артиллерийских коновязей, мимо пирамид составленных винтовок пехотного прикрытия и вошел в длинно-белевшую палатку, в которой ослепительно тянулся из конца в конец стол, заставленный бутылками, тарелками, рюмками, икрой, сыром, фруктами» (гл. XXIV).

Главы XXVII и XXIII

В этих главах — занятие Туапсе после взятия Михайловского перевала. «С разгромом целой дивизии противника красной армии досталось 16 пушек, 6 тысяч снарядов, 800.000 русских патронов, 10 пулеметов, 1 паровоз, 100 вагонов и много очень ценного военного имущества. Части колонны были вооружены, и кроме того был образован запас боевых припасов. Продовольствие по-прежнему отсутствовало. Грузины, находясь в городе Туапсе, голодали так же, как и таманцы; но хотя мы продолжали голодать, зато стали хо-

рошо вооружены. Теперь каждый таманец имел 200—300 патронов». (Е. Ковтюх, стр. 65).

Здесь А. Серафимович дает сцены разгрома магазинов и затем приготовления к порке розгами виновников грабежа. В своих авторских высказываниях А. Серафимович говорит, что ему было недостаточно одного рассказа Е. Ковтюха. «Я стал искать встречи с другими участниками похода. Вскоре встретил молодого адъютанта Ковтюха, выведенного в повести под фамилией Приходько (настоящая фамилия — Гладких). С ним я тоже вел продолжительную беседу. Он мне рассказал много такого, чего не рассказал Ковтюх. Например, Ковтюх не рассказал, как он драл розгами партизан, а Гладких рассказал. Когда партизаны стали грабить магазины, он их форменно выдрал: приказал лечь, они легли, и он их выдрал; они отнеслись к этому спокойно: мол, заслужили; надели штаны и опять пошли в строй маршировать». У меня, например, в начале так и было, как рассказал Гладких, что Кожух выдрал партизан, но потом я изменил. Дело было так. Пошел я прочитать свою вещь в кружок «Рабочая весна», собрались там рабочие и красноармейцы. Прочитал я эту главу, вижу — кучка красноармейцев поднимается и уходит. Возмущены. Как так солдат драли. Это оскорбительно для армии. Я говорю им: «Милые товарищи. Это вам не царская армия, когда «честь мундира» оскорблялась. Надо правду рассказать. Вы сами знаете, что в Красной армии бывало гораздо строже, за такие штуки не только драли, но и расстреливали, из песни слова не выкинешь». А все-таки я в конце концов согласился с ними. Они меня натолкнули: не надо драть. Не потому, что оскорбительно для армии, а просто бо́льшее впечатление произведет психологически, художественно правдивее, удар по читателю будет более верный. Ведь что нужно было показать и в чем убедить? В том, что Кожух держал в руках. А для этого достаточно, чтобы они легли и подставили зады. Я был очень благодарен красноармейцам. «Правильно, говорю, ребята. Изменить надо не потому, что это якобы оскорбление для Красной армии, а потому что не драть выгоднее в художественном отношении». (А. Серафимович, т. XIII, 1930 г., стр. 289).

В этой главе имеет особенное значение то место, где писатель четко дает понять, что сила Кожуха определяется тем,

что он выражает в своей целестремительности интересы отступающих масс. «И волна силы и мощи, подобная той, что вэносила его, когда честолюбиво добивался офицерства, поднялась в душе. Но это была другая волна, другого честолюбия — он спасет, он выведет вот этих, которые так покорно лежат, дожидаясь розг. Покорно лежат, но если бы он заикнулся сказать: «Хлопцы, завертайте назад до казаков, до офицеров — его бы подняли на штыки».

По словам одного из критиков, «марксистская и строго классовая точка зрения не помешала художнику дать настоящий кусок жизни, дать живых людей... Классовая точка зрения не только не помешала объективности художника — наоборот, помогла ей. Классовый, марксистский взгляд на развернувшуюся гражданскую войну избавил художника от всяких агитационных фраз о революции»... (П. Лебедев-Полянский: «Вопросы современной критики», Госизд., 1927, стр. 221—222).

Глава XXX

Эта глава написана на основе тех явлений, которые имели место во вторую неделю голода, уже после выхода из Туапсе. «Голод принял самые широкие размеры. Войска, питаясь исключительно кукурузой, желудями и кислицами, выбились из сил, в их среде начались сильные заболевания; было много отсталых, не только одиночек, но и целых групп; ряды войск заметно редели. Еще большие бедствия испытывали беженцы, так как с ними были дети, которым родители не успевали добывать даже самой скудной пищи, в виду быстрого следования за войсками; поэтому среди беженцев развилась большая смертность; умирали от голода больше дети, но были случаи смерти и взрослых» (Е. Ковтюх, стр. 67.) На страданиях голодных детей и страдающих матерей А. Серафимович и сосредоточивает здесь свое внимание, вводя ряд жутких эпизодов в общую панораму человеческой скорби.

В этой же главе А. Серафимович дает картину массового психоза. Заведенный граммофон, взятый ранее на одной из пустых дач, издает звуки заразительного смеха знаменитых клоунов. «Вместо песни из граммофонного раструба вырвался ошеломляющий хохот: хохотали двое, то один.

то другой, то вместе дуэтом. Хохотали самыми неожиданными голосами, то необыкновенно тонкими — как будто щекотали мальчишек, то по-бычьему и все дрожало кругом, хохотали задыхаясь, отмахиваясь, хохотали как катающиеся в истерике женщины; хохотали, надрывая животики, исступленно, хохотали как будто уж не могли остановиться. Шла и хохотала вся пехота, хохотал обоз, хохотали беженцы, хохотали матери с безумным ужасом в глазах, хохотали люди на полтора десятка верст сквозь неумолчный голодный скрип колес среди голодных скал». Хохот продолжается до тех пор, пока Кожух не разбивает пластинку нагайкой.

Впервые этот прием, с помощью граммофонной пластинки показать состояние людей с расшатанной психикой, был применен А. Новиковым-Прибоем в его повести «Подводники», вышедшей в 1923 г.— за год до появления «Железного потока». Матросы, которым едва не суждено было погибнуть в подводной лодке, заводят «Блоху» в исполнении Шаляпина. «Я пытаюсь остановить себя и не могу. Из меня фонтаном бьет хохот. Я стою на коленях и с дрожью смотрю на других. Мне начинает казаться, что люди окончательно обезумели. Трясутся головы, оскаливаются зубы, слезятся прищуренные глаза. Фигуры ломаются, точно охваченные приступом судороги. У некоторых смех похож на отчаянные рыдания». (А. Новиков-Прибой «Подводники», изд. 1923 г., стр. 140-141).

Тут дело не в заимствовании, а в том, что с помощью этого приема А. Серафимович показывает, до какого состояния доходили люди, измученные от голода и усталости. Е. Ковтюх в своей хронике говорит: «Были и такие исключительные случаи, когда мать, не желая оставлять своего ребенка на муки голодной смерти, умерщвляла его и закапывала в щебень скалистых гор, или бросала малютку в глубокий овраг». (Е. Ковтюх стр. 67). Нервы солдат и беженцев расшатывались еще от шума и треска повозок громадного обоза.

Глава XXXI

В данной главе Кожух делает распоряжение на некоторое время свернуть с июссе, дабы все видели четырех казненых рабочих. «На ближних четырех столбах неподвижно

висело четыре голых человека. Черно кишели густо взлетающие мухи. Головы нагнуты, как будто молодыми подбородками прижимали прихватившую их петлю, оскаленные зубы, черные ямы выклеваных глаз. Из расклеванного живота тянулись ослизло-зеленые внутренности.

Четверо, а пятая.... а на пятом была девушка с вырезанными грудями, голая и почернелая...

Адъютант сорвал белевшую на столбе около мертвеца бумагу и подал. Кожух стиснул челюсти, и сквозь зубы пролезали слова:

— Товарищи,— и показал бумагу, которая на солнце ослепительно вырезалась белизной,— от генерала до вас. Генерал Покровский пишет: «Такой жестокой казни, как эти пятеро мерзавцев с Майкопского завода, будут преданы все, кто будет замечен в малейшем отношении к большевикам».— И стиснул челюсти. Помолчав, добавил: «Ваши братья и... сестра» (гл. XXXI).

Белогвардейский генерал В. Покровский после Октября командовал вооруженным отрядом белого кубанского правительства (ум. в 1922 г.). Покровский прославился бандитизмом, насилиями над населением и пьяными оргиями. Такой же свирепостью отличались и другие белогвардейские командиры. Когда происходила кровавая расправа в Новороссийске над оставшимися там беженцами, красноармейцами и советскими работниками, то казаки вместо виселиц использовали телеграфные столбы. Один белогвардейский полковник завел за город 800 пленных красноармейцев. Подойдя к конвою, он приказал построить всех пленных в две шеренги, одна от другой на 20 шагов, лицом к лицу. Когда перестроение было закончено, он подал команду всем пленным стать на колени и наклонить головы вперед, а конвою рубить «этим босякам головы», что конвоем и было исполнено. Трупы полковник приказал не убирать несколько дней, «для острастки местному населению» (Е. Ковтюх, стр. 55).

Изображение проходящего железного потока людей в этой главе, очень важно сопоставить с показом этой же колонны в главе VII. Первоначально (гл. VII) дается такая картина: «Нет рот, батальонов, полков,— все перемешалось, перепуталось. Идет каждый, где и как попало. Одни поют песни, другие спорят, кричат, матюкаются, третьи забрались

на повозки и сонно мотают головами во все стороны». Здесь, в главе XXXI, пройдя через ряд испытаний, организовавшись с помощью железной дисциплины, колонна Кожуха представляет собой монолитное целое: «проходят тысячи, десятки тысяч людей. Уже нет взводов, нет рот, батальонов, нет полков,— есть одно неназываемое, громадное, единое. Бесчисленными шагами идет, бесчисленными глазами смотрит, множеством сердец бьется одно неохватимое сердце» (гл. XXXI, изд. 1930 г., стр. 175).

Глава XXXII

«У выхода шоссе из гор жадно ждут казаки. С тех пор как во всей Кубани разлился пожар восстания, большевистские силы повсюду отступают перед казацкими полками, перед офицерскими частями добровольческой армии, перед «кадетами», нигде не в состоянии задержаться, упереться, остановить остервенелый напор генералов — отдают город за городом, станицу за станицей».

Слово «кадеты», поставленное писателем в кавычки, упоминается в повести несколько раз. Под этим словом имеются в виду не только бывшие воспитанники кадетского корпуса. Под «кадетами» подразумевались юнкера и вольноопределяющиеся, т. е. вся та белогвардейская молодая свора, которая пребывала в ожидании офицерского чина. Красноармейцы называли их еще и более презрительным собирательным именем — «кадюки».

«Генерал Деникин поручил генералу Покровскому сформировать в Екатеринодаре части, окружить ими спускающиеся с гор банды и не выпустить ни одного живым. Покровский сформировал корпус, прекрасно снабженный, перегородил дорогу по реке Белой, белой от пены, несущейся с гор. Часть отряда послал навстречу».

В сжатой форме изображает А. Серафимович в этой главе первую ночную атаку, которая произошла под станицей Пшехской на 11 сентября 1918 г. Об этом у Е. Ковтюха следующее: «В 9 часов части первой колонны достигли исходных пунктов, откуда бросились в атаку на спокойно сидевшего в небольших окопах противника. Белые, не выдержав атаки, бросились бежать к ст. Белореченской, но на пути к ней встретили полк, который беспощадно расправился с бегущи-

ми: части противника вынуждены были рассыпаться в более мелкие группы и пробираться под прикрытием темноты окольными путями и тропинками» (Е. Ковтюх, стр. 69).

Во второй половине этой главы по желанию беженцев поп и дьякон служат молебен.

«Дьячок живой рукой раздул кадило. Мертвые неподвижно лежали со сложенными руками.

— Благословен господь...»

По поводу данного места тридцать второй главы один из толкователей «Железного потока» замечает: «Нужно сказать, что это последнее описание не соответствует действительности, ибо ни отпевание ни панихида не начинаются такими словами» (Г. Прохоров. Поэтическое претворение действительности в «Железном потоке» А. Серафимовича. «Родной язык в школе» 1927 г., кн. 2, стр. 193).

Глава XXXIII

Здесь А. Серафимович показывает уже в более развернутом виде вторую ночную атаку со многими подробностями, совпадающими с хроникой Е. Ковтюха. «Для самого ночного боя нужно было придумать, что-то новое, так как имеющиеся через реку, за которой располагался противник, мосты (железнодорожный и один деревянный) находились под действительным наблюдением противника и пройти по ним войска не могли.

Необходимо было назначить район атаки и переправы частей колонны правее мостов и перейти реку в брод, несмотря на то, что в это время года она трудно проходима в брод, имея глубину от 1,5 до 2 м.» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, стр. 70).

Излагая историю разгрома белогвардейцев Покровского у ст. Белореченской на рассвете 12 сентября 1918 г., когда белые потеряли 700 убитых и раненых, Е Ковтюх прибавляет: «сам генерал Покровский едва успел ускакать на неоседланной лошади и почти раздетый» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, стр. 72). Об этом же говорит Г. Батурин: «По рассказам машиниста с бронепоезда, сам Покровский, имевший ставку в палатке близ бронепоезда, едва успел убежать» (Г. Батурин, стр. 23).

Этот эпизод облекается у А. Серафимовича в указанной главе в форму диалога железнодорожника с эскадронцем.

Первый сообщает второму: «Генерал Покровский ночевал. Трошки не застукали. Как услыхали вас, высадил окно совсем с рамой, в одной рубахе, без подштанников, вскочил на неоседланную лошадь и ускакал».

Украинский жаргон эскадронца придает всему этому диалогу ярко юмористическую окраску.

Глава XXXIV

В книге Е. Ковтюха этой главе повести соответствуют такие строки: «Чтобы наконец догнать главные силы Северного Кавказа и соединиться с ними, необходимо было 13 сентября двигаться дальше, но тут явилась задержка: 2-я и 3-я колонны, несмотря на то, что они шли по очищенному от противника пути и уже почти не преследовались, отстали на два перехода. Зная о том, что обе колонны мало боеспособны, так как в них влиты различные части, на ст. Тоннельная и при уходе 1-й колонны дальше противник, заняв вновь станцию Белореченскую, мог их отрезать; было решено задержаться на один день. Противник, получив подкрепление, перешел в наступление. Имея достаточное количество патронов и снарядов, отбитых у грузинской дивизии, части колонны успешно отражали все попытки противника. Я надеялся, что 2-я и 3-я колонны подойдут к вечеру, но их не оказалось. Не было их ни на второй, ни на третий день» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, стр. 73).

Переживания Кожуха и его напряженное ожидание отставших колонн выражаются в этой главе повести с показом ряда военно-бытовых подробностей. Причем Кожух в противовес Смолокурову изображается полным революционно-моральной ответственности и возможного суда истории за общий ход дела. «Нехватает духу двинуться, не дождавшись отставших колонн. Знает — небоеспособны они, если предоставить их своим силам, казаки разнесут их вдребезги, все будут истреблены. И тогда к славе, которая должна осенить будущее Кожуха, как спасителя десятков тысяч людей, это истребление будет меркнущим пятном». (гл. XXXIV). «Тают патроны, пустеют зарядные ящики. Не двигается Кожух, не слыхать подходящих колонн. Созывает совещание, не хочет брать на себя: остаться — всем погибнуть, пробиться — задним колоннам погибнуть».

Глава XXXV

В главе тридцать пятой А. Серафимович дает художественную иллюстрацию одному эпизоду во время ожидания отставших колонн. Этот неожиданный эпизод в первом издании своей книги Е. Ковтюх называет «курьезным». Когда к вечеру белые пробрались в тыл красным и бросили свою кавалерию в то место, где были расположены обозы и беженцы, то «находящиеся в обозе раненые, а также и сами беженцы, увидав казаков (которых было легче отличить от своих, так как они носили на шапках белую ленту), подняли крик; сначала это был крик испуга и ужаса, но вдруг он превратился в грозный рев: «Бей казаков». С этими криками многотысячная толпа мужчин и женщин, предваримая ранеными, кто с чем, ринулась навстречу казакам. Увидев, что этой толпе нет конца, казаки остановились. Толпа ободрилась и еще смелее двинулась на них. Тогда казаки повернули и быстро отступили, покинув наш тыл и оставив в покое ст. Пшехскую. Так ранеными вместе с беженцами был отражен набег казаков» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, стр. 74).

В этом натиске на казаков у писателя-художника участвуют даже дети, что придает всей картине характер массового гипноза:

«Никто не бежал, не спасался, все непрерывно смотрели в сгустившиеся сумерки, в которых катилась черная лавина.

Это великое молчание, полное глухого топота, пронзил крик матери. Она схватила ребенка, единственно оставшееся дитя, и зажав его у груди, кинулась навстречу нароставшей в топоте лавине.

— Сме-ерть... сме-ерть... сме-ерть идет.

Как зараза это полетело, охватывая десятки тысяч людей:

— Сме-ерть... сме-ерть.

Все, сколько их тут ни было, схватив что попадалось под руку, кто палку, кто охапку сена, кто дугу, кто кафтан, хворостину, раненые свои костыли, все в исступлении ужаса, мотая этим в воздухе, бросились навстречу своей смерти.

— Сме-ерть... сме-ерть.

Ребятишки бежали, держась за подолы матерей, и тоненько кричали:

— Смельть... сме-льть» (глава XXXV).

Глава XXXVI

Предупреждающее ругательное письмо генерала Покровского Кожуху, которое дано в этой главе, является подлинным историческим докуметом. Это письмо приводится в книге Е. Ковтюха в первом издании (стр. 49) и во втором — «Железный поток в военном изложении» (стр. 75).

Картина полного разгрома белогвардейцев генерала Покровского, которой кончается эта глава, показана на основе краткого изложения Е. Ковтюха под заголовком «Ночной бой» (2-е изд., стр. 75).

Главы XXXVII и XXXVIII

После занятия ст. Шагинской и Дондуновской «выяснилось, что некоторые части войск Северного Кавказа находятся в станицах Михайловской, Курганской и Лабинской. Эти части, согласно приказу главнокомандующего Сорокина, должны 17 сентября покинуть занимаемые им станицы и уйти дальше в Терскую область» (Ковтюх, стр. 76).

В главе тридцать седьмой поток красноармейцев и беженцев изображается в особо напряженном состоянии, ибо красные войска, на соединение с которыми они рассчитывают, отходят, в свою очередь, дальше. Эта глава с особенной наглядностью показывает во всех подробностях, что основным героем является масса, а Кожух лишь выразителем ее стремлений. Как говорит один из критиков, «Серафимович подошел к грандиозным событиям с марксистским, пролетарским анализом. Это помогло ему разобраться в многогранной, противоречивой действительности, понять, что к чему, и отвлеченную идею облечь в живые, яркие, глубоко правдивые образы» (П. Лебедев-Полянский).

Получив сведения о том, что красные войска отходят, Ковтюх вызвал охотников, чтобы связаться с этими частями и попросить их задержаться до соединения с потоком солдат и беженцев.

Осуществление этой попытки составляет содержание тридцать восьмой главы повести, которой соответствует следующее место книги Е. Ковтюха.

«Эту отважную задачу взял на себя мой помощник, бывший подпрапорщик, тов. Смирнов: он поместил в легковой

автомобиль пулемет и с 2 красноармейцами в ночь на 17 сентября проехал через расположение противника до ст. Лабинской, где захватил уже готовые к отходу наши части и сообщил им о нашем приближении. Они задержались, но прислали эскадрон кавалерии в ст. Дондуковскую, чтобы убедиться в точности сообщений тов. Смирнова, так как у них были сведения, что мы совершенно изничтожены противником на берегу Черного моря» (Е. Ковтюх, изд. 2-е, стр. 76).

Бывший подпрапорщик Смирнов выведен в этих главах повести под видом Селиванова.

В своем стремлении художника, иллюстрирующего эпопею героического отступления Красной Таманской армии, А. Серафимович берет на учет все подробности, связанные с подлинной историей этой эпопеи. Е. Ковтюх сообщает в своей книге о том, что идущему на соединение с красными войсками Северного Кавказа «железному потоку» «было известно недоверие к нему, благодаря перехваченной телеграмме генерала Покровского Деникину. Покровский сообщал, что от гор. Туапсе идет многотысячная масса босяков или, как он иначе нас называл, «бронированных свиней», которые на своем пути сметают все, бьют всех: большевиков, меньшевиков, кадетов и состоят из моряков и русских пленных, возвращавшихся из Германии. Эта телеграмма еще больше уверила Сорокина в том, что со стороны города Туапсе своих, сочувствующих советской власти, ожидать нечего (из телеграммы Покровского он видел, что масса бьет и большевиков)» (Е. Ковтюх, 2-е изд., стр. 73).

В тридцать восьмой главе А. Серафимович не только художественно показывает, как распутывается этот клубок недоразумений, но и целиком приводит перехваченную радио-телеграмму генерала Покровского к Деникину, о которой, как мы видим, у Е. Ковтюха говорится только в общих чертах.

Глава XL

Вступление к этой последней главе построено таким образом, чтобы связать ее с исходными главами повести. В начале (гл. II) мы имеем разрозненный человеческий поток, настроенный анархически, лишенный спайки, полный недо-

верия к командному составу. В последней главе, напоминая об этом исходном пункте распыленности, писатель подчеркивает преображение людей, спаянных в процессе пройденного тяжелого пути единым стремлением.

«А над садом, в степи бесчисленное людское море, как тогда при начале похода, такое же необозримое людское море. Но что-то новое покрывает его. Те же бесчисленные повозки беженцев, но отчего же на лицах, как отражение, как живой отблеск, печать непотухающей уверенности?

Те же бесчисленные отрепанные, рваные, голые, боевые солдатские фигуры — но отчего, как по нитке, молчаливо вытянулись в бесконечные шеренги, и выкованы из почернелого железа исхудалые лица, и стройно, как музыка, темнеют штыки?

Как тогда, необозримая громада пыли, но теперь она осела осенней отяжелелостью, и отчетливо прозрачна степь, и отчетливо видна каждая черта на лицах.

Тогда среди безграничного взбаламученного людского моря зеленел пустой курган, и чернели на нем ветряки, а теперь среди людского моря пустая полянка, и на ней темнеет повозка.

Только тогда буйное разливалось по степи человеческое море, а теперь затаилось и молча стояло в железных берегах».

Эти повторы — «тогда» и «теперь» — призваны подчеркнуть процесс перерождения и нарастания морального подъем не только Красной Таманской армии, но и идущей за ними беженской голытьбы. Даже баба Горпино со своей печалью об оставленном самоваре (см. гл. IV) предстает в последней главе в таком преображенном виде:

— Ратуйте, добрые люди, ратуйте! Самовар у дома вкинулы. Як мэне замуж выходить, мамо в приданое дала, тай каже: береги его, як свет очей, а мы вкинулы. Та цур ему, нэхай пропадае! Нэхай живе наша власть, наша ридна, бо мы усю жизнь горбы гнулы та радости не знали».

Эта общая идея произведения органически может быть связана с утверждением одного из лучших толкователей «Железного потока»: «Среди элементов прошлого, под мусором и пеплом писатель нашел драгоценности, показал тлеющую искру великой человечности, элементы психики, которым принадлежит настоящее и грядущее...» (П. И. Лебедев-Полянский).

На фоне степного пейзажа А. Серафимович в этой последней главе дает картину окончательного выхода из белогвардейского окружения и встречи таманцев с войсками главных сил Северного Кавказа.

Об этом событии Е. Ковтюх говорит как о великом празднике. «Впервые таманцы почувствовали, что они наконец вырвались из темного, созданного коварным врагом, стального кольца, которым шли около 500 километров, голодные, босые, и раздетые, преодолев трудно одолимые скалистые горы главного Кавказского хребта, разбив на своем пути крупные полчища белогвардейцев и меньшевистскую дивизию грузин и выйдя на широкий простор, вновь встретились со своими братьями по классу, крови, идее, такими же революционерами-бойцами. Войска в упоении кричали: «Да здравствует советская власть!» Эта была картина торжества и ликования, каких наверно ни один из таманцев в своей жизни не видел. Все эти радостные переживания глубоко запечатлелись в душе у каждого, о них революционные бойцы будут помнить до своей смерти. 17 сентября 1918 г. было для них великим праздником.

В этот знаменательный день произошло соединение 40-тысячной массы рабочих и крестьян, которые не отдались на позорное рабство, издевательство, избиение и насилие врагам трудового народа, перенесли все трудности и, потеряв все, что имели у себя дома, достигли своей цели пробились и влились в общую семью рабочих и крестьян РСФСР.

17 сентября, когда прибыли части главных сил, собрался грандиозный митинг. Здесь ораторы подробно рассказывали о походе таманцев. Многие из присутствующих плакали. Плач этот вызывался и радостью соединения и печалью о погибших бойцах-товарищах. Кроме войск на митинге присутствовали и беженцы, которые испытывали такую же радость». (Е. Ковтюх «Железный поток» в военном изложении», изд. 1931 г., стр. 77).

На этом митинге, как мы уже говорили, и матросы принесли свое покаяние.

Писатель изображает полное и органическое слияние Кожуха с руководимой им массой. В своем ответе на одну из записок во время диспута писатель говорил о Кожухе: «Я хотел его дать таким, каким он в жизни-б был, я хотел дать в его лице и героя и не-героя. Он герой, потому что дей-

ствительно умеет вести за собой массу, и в то же время и не-герой, потому что масса сделала его героем, она влила в него свое героическое содержание» (А. Серафимович, т. XIII, 1930 г., стр. 255).

В задачу писателя входило довести свое повествование до соединения Красной Таманекой армии с войсками Северного Кавказа. Дальнейшие военные действия Таманской армии и движение до Астрахани уже выпадали из заданий автора. Этот дальнейший поход так описан в книге Е. Ковтюха:

«Влившись в Северо-Кавказскую армию, таманцы были цементом, крепко спаявшим между собою все честные революционные элементы на Кубани, Тереке и Ставрополе. Таманцы не знали трусости, с открытым, радостным взором шли на смерть в бой с белыми насильниками за дело трудящихся, за дело коммунизма. Это были воистину честные, благородные сыны и воины революции, коим чужды были не только крупные, но и мелкие проступки вроде пьянства, матерщины и т. п. Велико значение в истории гражданской войны на Кавказе немногочисленной, но славной духом Таманской армии». Такую характеристику дает таманцам председатель РВС войск Северного Кавказа — Я. В. Полуян, продолжая ее перечислением военных подвигов этой армии. «Долго она сдерживала натиск банд Деникина, давая тем самым большую подмогу всей Красной армии и особенно Южному фронту (Царицын и др. районы). Не одну сотню и тысячу уничтожили таманцы белогвардейской генеральско-офицерской своры. И не сломить бы врагу великих безымянных таманцев, да одолел их тиф и другие невзгоды. Голые, босые, голодные, без патронов и снарядов, в рукопашном бою отбивались они, в последнем знаменитом бою под Ставрополем. А дальше — астраханские степи, нечеловеческие страдания, физические и моральные (побитые не врагом, а тифом, беспатроньем, нищетой военного снаряжения). Астраханские пески устланы могилами героев и мучеников таманцев и северо-кавказцев (рабочих и крестьян Кубани, Терека и Ставрополя). Но их труды не пропали даром: их правое дело восторжествовало, трудящиеся массы победили. Слава и вечная память дорогим жертвам, борцам и мученикам, героям Таманской Красной армии, убитым в боях, умершим от тифа, замученным и расстрелянным озверелой

бандой белых и наконец погребенным в сугробах астраханских песков. Благодарное потомство освобожденных рабочих и крестьян не забудет своих освободителей, жизнь отдавших за други своя» (Письма участников похода, приложенные к XIII т. сочинений А. Серафимовича, изд. 1930 г., стр. 262).

Строки заключительной главы «Железного потока» призваны запечатлеть в сознании читателя подвиг Красной Таманксой армии, приведшей ее к поставленной цели.

«Перекидываясь, хватая у ораторов обрывки, не умея высказывать, но чувствуя, что, отрезанные неизмеримыми степями, непроходимыми горами, дремучими лесами, они творили—пусть в необходимом меньшем размере, но то самое, что творили там, в России, в мировом, творили здесь голодные, голые, босые, без политического руководства и освещения, без материальных средств, без какой бы то ни было помощи, сами. Не понимали, но чувствовали и не умели это выразить.

До самой, до синевы вечера, сменяя друг друга, говорили ораторы; по мере того, как они рассказывали, у всех нарастало ощущение неохватимого счастья «неразрывности с той громадой, которую они знают и не знают и которая зовется Советской Россией».

Впереди для таманцев было еще много испытаний, пришлось потом двинуться в поход до Астрахани и много людей погибло. Но для А. Серафимовича важно было в образной форме показать общность интересов трудящихся Украины и Советской республики в целом.

Об этой неразывности интересов писал В. И. Ленин в своем «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным»:

«Победить Деникина, уничтожить его, сделать невозможным повторение подобного нашествия — таков коренной интерес великорусских и украинских рабочих и крестьян. Борьба долгая и трудная, ибо капиталисты всего мира помогают Деникину и будут помогать разного рода Деникиным.

В этой долгой и трудной борьбе мы, великорусские и украинские рабочие, должны итти теснейшим союзом, ибо поодиночке нам, наверное, не справиться. Каковы бы ни были границы Украины и России, каковы бы ни были фор-

мы их государственных взаимоотношений, это не так важно, в этом можно и должно итти на уступки, в этом можно перепробовать и то, и другое, и третье — от этого дело рабочих и крестьян, дело победы над капиталистами не погибнет.

А вот если мы не сумеем сохранить теснейшего союза между собою, союза против Деникина, союза против капиталистов и кулаков наших стран и всех стран, тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и Советскую Украину и Советскую Россию тогда смогут задавить и задушить капиталисты.

И буржуазия всех стран и всяческие мелкобуржуазные «соглашательские» партии, допускающие союз буржуазии против рабочих, больше всего старались разъединить рабочих разных национальностей, разжечь недоверие, нарушить тесный международный союз и международное братство рабочих. Когда буржуазии удастся это, дело рабочих проиграно. Пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистические происки всякой буржуазии, националистические предрасудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительного прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталистов, за всемирную Федеративную Советскую Республику». (Ленин, изд. 1-е, т. XVI, стр. 645).

Своей повестью «Железный поток» пролетарский писатель в незабываемой форме утверждает эти основные положения В. И. Ленина.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЧИТАТЕЛИ ПОВЕСТИ „ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК"

Среди читательских отзывов по поводу «Железного потока» особое место занимают отзывы бывших участников похода Красной Таманской армии. Эти отзывы приведены Г. Нерадовым в приложении к «Железному потоку», изд. 1930 и 1931 г.).

Сам Е. Ковтюх пишет: «Таманцы с большой радостью встретили вышедшую в свет книгу «Железный поток» Серафимовича. Я со многими лично беседовал и от многих имею письма. Все они пишут и говорят, что Серафимович, как талантливый художник, совершенно правдиво увековечил память нашей революционной борьбы. Многие из них задают мне такой вопрос, в каком Таманском полку или дивизии был Серафимович, какую он должность в Таманской армии занимл, что так хорошо знает все бои и все наши тяжелые испытания. Серафимович за свое произведение среди таманцев пользуется неограниченным авторитетом и популярностью».(А. Серафимович, т. XIII, 1930 г., стр. 263).

Красный партизан Иван Коваленко пишет: «Мы как бойцы красные партизаны таманцы знали твердо, если попав в лапы своему врагу, то не ожидай ни малейшей пощады на жизнь. Так расправлявся з нами таманцами наш враг. А. Серафимович прав в написанной книжке «Железный поток». Таманцы ны ымели патрон, продовольствия, босые и полураздетые отражалы своего врага. Но все попытки нашого врага незбулыся.

А. Серафимович пыше правду ктож в этой армии проявлялы свои стойкост всэе болши инагороднии элымент сапожник, плотник, бондар, парекмахер и ряд других мастерового люда.

Чытая книжку жылизный поток и споминая свои гироические бои з насильниками трудового народа як то аж радостно, що ны пропало бызслидно наши труды участников в походи Таманской армии наишовся хоть один наш товарищ А. Серафимович, наши героические отваги с нашим врагом и все ти труды и пирыжывания в походе славной Таманской армии описал» (там же, стр. 264).

Эти ценные документы, добытые Г. Нерадовым, замыкаются отзывами бывшего партизана В. Корпущенко и В. Шевченко. Последний пишет Е. Ковтюху: «Дорогой наш командир «Батько» Ковтюх Епифан Иович! Читая данное произведение, мы остаемся в недоумении, откуда т. Серафимович мог знать все детали быта нашей Таманской армии. Неужели он был вместе с нами? Мне лично и самому приходилось встречаться со многими бойцами и командирами наших Таманский полков, говорить о Серафимовиче—о написанном им «Железном потоке» — его никто не знает. А произведением «Железный поток» все восхищаются и удивляются, что так правильно все описано». (Там же, стр. 265).

Из отзывов рабочих читателей о «Железном потоке» отметим все наиболее существенное. Хотя эти материалы собраны только среди рабочих ленинградских заводов, но по существу они выражают взгляды рабочих читателй всего советского союза. Рабочий завода «Красный Арсенал» тов. Кулыванов говорит о художественном реализме «Железного потока». «Когда читаешь это произведение, то чувствуешь, что перед глазами идет сплошная масса. Когда читаешь, так и кажется, что эта сплоченная масса идет к определенной цели и ты чувствуешь, что она переживает. Этому произведению веришь вполне. Когда в деталях разбираешься, то очень заметно, что произведение взято из жизни, и все время видишь даже миллионы мух, которые над этой толпой летят». (Из материалов Г. Нерадова, А. Серафмиович, т. XIII, изд. 1930 г., стр. 253).

Самый значительный материал, дающий представление о восприятиях рабочих чиитателей, собран в книге «Голос рабочего читателя», вышедшей в 1929 г.

О показе взаимоотношений между Кожухом и массой говорит рабочий Балтийского завода Егоров: «Мало у нас хороших книг из эпохи гражданской войны. И одной из хороших, очень хороших книг является «Железный поток» Серафимовича. В книжке описывается масса, а не отдельные личности. Кожух только передовой человек этой массы, более умный, более сознательный. Писатель с исключительным пониманием описывает все переживания бедного крестьянства. Понимая, за что они идут, они борются с препятствиями с изумительной храбростью. Вот каков пробужденный революцией народ». («Голос рабочего читателя», изд. 1929 г., стр. 163). Об этом же изображении массы людей говорит и рабочий «Красного Путиловца» Геманов: «Книжка читается легко и с интересом. Понравилась она мне тем, что нет в ней шаблонного подхода в описании периода гражданской войны. В книге Серафимовича, удачно озаглавленной «Железный поток», действительно чувствуется этот «поток» ободранной, голодной массы, окруженной кольцом белогвардейцев. Уставшая и истощенная прошедшей империалистической войной, вся эта обездоленная масса начинает понимать нутром, что она должна сама сделать что-то, чтобы добиться лучшей жизни. Вот тут-то у Серафимовича и взят новый прием описания гражданской войны, где нет армии, а течет «железный поток» черноземной массы, объединенной общим желанием и стремлением стереть с лица всю гниль капиталистического строя. Написана книжка просто и ясно, и я думаю, что каждый, прочитав данную книжку, также подтвердит то, что думаю и я» («Голос рабочего читателя», изд. 1929 г., стр. 154).

Заслуживает внимания краткий отзыв рабочего «Красного Путиловца» В. Ремизова: «Серафимович изображает действительность без всяких извращений. Однако он сумел облечь свое произведение в такую художественную форму, что вся грубая сторона действительности не отталкивает, а наоборот, привлекает». (Там же, стр. 164).

Об огромном воспитательном значении книги говорят также многие рабочие читатели. Возьмем из ряда этих высказываний два отзыва. Рабочий Гос. механич. завода № 1 — В. Муратов говорит: «Повесть эту смело можно назвать эпосом гражданской войны. Хотя она захватывает один лишь из периодов ее, но чувствуется, что в ней отразилась

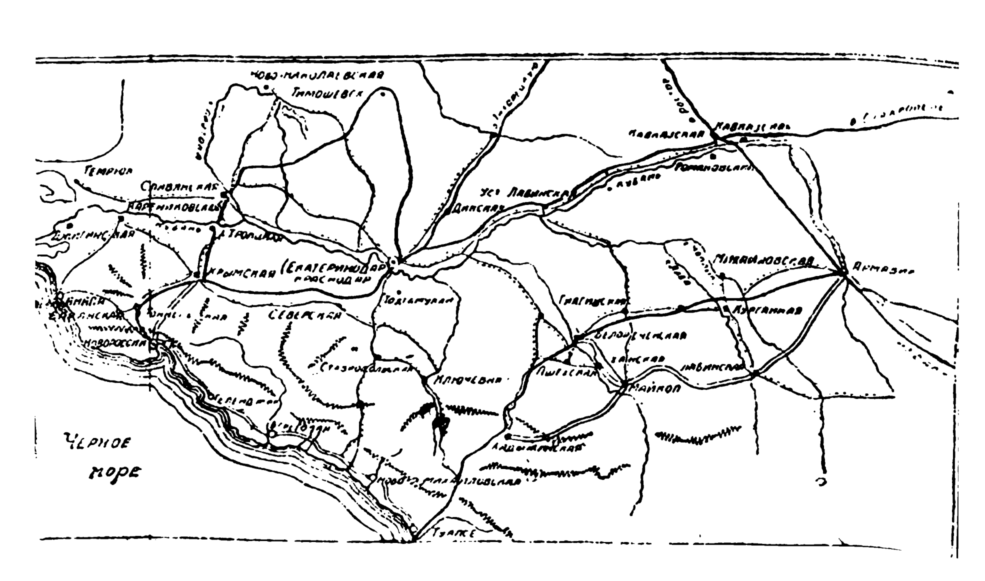
вся борьба за советскую власть. «Железный поток» будет интересен и для участников гражданской войны, как воспоминания о пережитых ими днях, и особенно интересен и полезен для молодежи, выросшей уже после гражданской войны, как указание на то, что надо было пережить, чтобы добиться настоящего положения» («Голос рабочего читателя», стр. 168).

Рабочий завода им. К. Маркса — Успенский, дает пространный отзыв, которым мы и закончим наши извлечения: «Повесть, как художественное произведение, заслуживает самых лестных отзывов. Картины гражданской войны на юге обрисованы ярко, правдиво и захватывающее. В этих описаниях заметна рука великого мастера. Нет такой сантиментальности, какой отличаются повести революционного времени. Исторический элемент, необходимый в повести, так умело и художественно введен в рассказ, что не только не утомляет читателя, а наоборот сильнее запечатлевается у него в памяти и дает еще более глубокое и яркое представление о героях повести. Талантливое описание всех переживаний этого «Железного потока» захватывающе действует на читателя и в этом отношении книга не имеет себе подобной. Простой, легко читаемый язык повести делает ее доступной широким массам рабочих. Воспитательное значение повести, по моему мнению, огромно. Герой повести—командир этого железного потока, товарищ Кожух—личность героическая. Много знала героев гражданская война. Автор со всей силой своего таланта сумел дать образ такого героя. Я думаю, что не преувеличу, если назову эту повесть классической, так как воспитательное значение этой повести громадно и особенно для нашего комсомола, как для людей, нуждающихся в примерах революционного долга, совести и гражданского мужества. Пример Кожуха может им дать все» («Голос рабочего читателя», изд. 1929 г., стр. 168).

В заключение необходимо привести отрывок из письма французского рабочего завода «Рено» Р. Жильберта. Это письмо было написано при следующих обстоятельствах: «Железный поток» печатался во французской коммунистической газете «Юманите» (Человечество); после этого в редакцию посыпались от французских рабочих читателей письма, где спрашивали: «Неужели действительно жил та-

кой Кожух? Неужели могли быть такие герои? Не верится, хотя и хочется поверить...» В ответ на это командовавший первой колонной Таманской Красной армии Ковтюх прислал в редакцию «Рабочей Москвы» письмо для опубликования и пересылки его в газету «Юманите». В письме Е. Ковтюха сжато излагалась история знаменитого выхода Таманской армии.

Письмо французского рабочего Р. Жильберта явилось ответом на этот отклик Ковтюха: «С большой радостью читал ваше письмо; и не знаю, как поблагодарить вас за такую задушевность, читая вас, я хорошо понимаю, как такие люди, как вы, создают подобные чудеса. В чертежном бюро завода, где я работаю, я много рассказывал чертежникам и инженерам о том, как у вас в армии начальство живет одной жизнью с подчиненными, и о духе той искренной дружбы, которая царит только в рядах Красной армии. Но, увы, я встречал с их стороны лишь недоверчивое отношение, которое нередко доходило до насмешки. Ваше письмо, которое я им прочитал по их же просьбе, их совершенно ошеломило («Рабочая Москва», 1928 г. 24 февр., № 47; перепечатано Г. Нерадовым в XIII томе соч. А. Серафимовича, изд. 1930 г., стр. 257).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 1 р. 20